

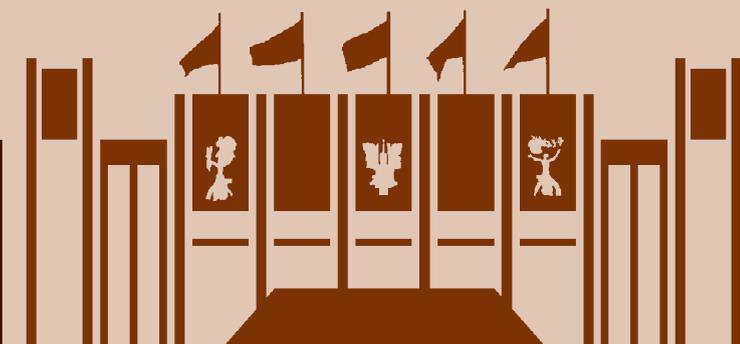
ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
МГИМО – УНИВЕРСИТЕТА МИД РОССИИ

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ

ВЫПУСК 4(39)
ноябрь 2013

Александр Лукин

СТАТУС КИТАЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОСЛАВИЯ В КИТАЕ

Центр исследований
восточной Азии и
Шанхайской организации
сотрудничества

ББК 86.372
Л 82

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ

*Институт международных исследований
МГИМО – Университета МИД России*

Выпуск 4(39)

Ноябрь 2013

Тема: Статус Китайской автономной православной церкви и перспективы православия в Китае.

(Является приложением к периодическому изданию «Ежегодник ИМИ»)

Главный редактор Александр Орлов

Выпускающий редактор Александр Лукин

Редактор Валентина Шанкина

Компьютерная верстка Анатолий Казанцев

Адрес редакции: 119454 Москва,
проспект Вернадского, 76,
Институт международных исследований
МГИМО – Университета МИД России

E-mail: ktsmi@mgimo.ru

Издательство «МГИМО – Университет»
119454, Москва,
пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе
оперативной полиграфии
и множительной техники
МГИМО (У) МИД России

Заказ № ____ . Тираж 500 экз.

Подписано в печать 29.11.2013

Точка зрения авторов исследований
может не совпадать с позицией и оценками
других специалистов ИМИ МГИМО (У).

© Александр Владимирович Лукин, 2013

© МГИМО (У) МИД России, 2013

Доклад публикуется в авторской редакции.

**Институт международных исследований
МГИМО – Университета МИД России**

**Центр исследований восточной Азии и Шанхайской организации
сотрудничества**

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ

**выпуск 4 (39)
ноябрь 2013**

А.В. Лукин

**СТАТУС КИТАЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОСЛАВИЯ В КИТАЕ**

Москва
МГИМО – Университет
2013

СОДЕРЖАНИЕ

1. Введение.....	3
2. Православие в Китае. Краткий исторический очерк.....	8
3. Официально провозглашаемый подход к религии в КНР и православие	23
4. Реальное отношение властей к религии в современном Китае.....	30
5. Реальное отношение к православию в современном Китае.....	35
6. Заключение. Перспективы возрождения Китайской автономной православной церкви.....	43

Введение

Цели и задачи исследования

Данная работа посвящена изучению современного состояния православия в Китае, статуса Китайской автономной православной церкви (КАПЦ) и перспектив взаимодействия с властями КНР в деле ее возрождения. Православие исторически пришло в Китай из России. С начала XVIII века в течение двух с половиной столетий оно сохранялось и укреплялось стараниями Российской духовной миссии. В 1956 году Китайской православной церкви решением Священного синода Русской православной церкви был предоставлен автономный статус. Однако в силу исторических обстоятельств Поместный собор Китайской автономной православной церкви не был созван. Сегодня, в результате многолетних гонений, КАПЦ осталась без официально признанных властями действующих священников, поэтому такой собор и не может быть проведен. В то же время, по данным РПЦ, в Китае насчитывается около 15 тыс. православных верующих, причем число их растет как за счет увеличивающегося количества постоянно или долгое время проживающих в стране иностранцев, так и за счет роста интереса к православию среди китайцев. Поэтому проблема возрождения КАПЦ стоит довольно остро.

Своеобразие работы заключается в подходе автора. К настоящему времени опубликован ряд исследований, в том числе несколько монографий, изучающих историю развития и современного состояния христианства и православия в Китае. Они написаны либо с исторической точки зрения, либо излагают современную ситуацию, основываясь на православном понимании канонического права. Современные китайские исследователи, в свою очередь, излагают историю православия с марксистских позиций и в соответствии с официальными государственными подходами к истории.

Между тем, возрождение КАПЦ, сам статус которой не определен ни с точки зрения канонического, ни с точки зрения китайского права, невозможно без взаимодействия с политическим руководством КНР. В настоящее время оно ведется Отделом внешних церковных связей (ОВЦС) Московского Патриархата в рамках консультаций по линии российско-китайской группы по контактам и сотрудничеству в религиозной сфере, однако до конкретных договоренностей еще далеко. Представляется, что одно из препятствий на пути к успеху консультаций с китайскими представителями – недостаточное понимание китайской позиции, а также опасений (реальных или мнимых) китайского руководства. Данное исследование направлено на изучение его позиции в отношении православия и ее основ. Ее лучшее понимание может привести к более успешному и скорейшему достижению цели возрождения КАПЦ.

Объектом исследования является Китайская автономная православная церковь. *Предметом исследования* – современное состояние православия в Китае. *Цель работы* – изучение современного состояния православия в Китае и статуса КАПЦ для выработки рекомендаций по определению путей оптимального взаимодействия с властями КНР в деле ее возрождения. *Задачи работы* могут быть сформулированы следующим образом:

1. Проанализировать подход РПЦ и других православных церквей к православию в Китае и статусу КАПЦ.
2. Проанализировать официальный китайский подход к православию и деятельности православной церкви на территории КНР в свете религиозной политики властей КНР.
3. Выработать рекомендации по путям взаимодействия с властями КНР в деле возрождения КАПЦ.

Краткая характеристика источников и литературы

Исследование проводилось как в России, так и в КНР. В качестве источников были использованы опубликованные исторические документы¹, законы и подзаконные акты КНР, тексты российско-китайских соглашений и документы РПЦ. Их использование позволило определить юридический статус КАПЦ в КНР и юридические аспекты функционирования православия в современной КНР.

Кроме того, в качестве источника были использованы материалы бесед и интервью с китайскими исследователями, государственными служащими, занимающимися вопросами религии, а также православными жителями Китая в ряде регионов страны. В связи с тем, что статус православия является в КНР крайне чувствительным вопросом и в официальных публикациях о позиции властей говорится далеко не все, материалы бесед и интервью являются ключевым источником. Они содержат уникальную информацию не только об официальной позиции китайских властей, но и о реальной ситуации с православием и об истинном отношении к нему в Китае.

Использованную литературу по авторству можно разделить на три части: российскую, китайскую и авторов из третьих стран. Данные по истории православия в Китае в XVII–XVIII веках хорошо представлены в довольно обширной литературе, посвященной Российской духовной миссии (РДМ) в Китае. Хронологические описания работы миссии составлялись на протяжении всей ее истории². Особенно выделяются здесь труды иеромонаха Николая (П.С. Адоратского)³. Из современных работ выделяется защищенная в 2001 году диссертация С.Г. Андреевой «Пекинская духовная миссия в контексте российско-китайских отношений»⁴. Большой информативностью обладает также изданный в 1997 году по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II под редакцией академика РАН С.Л. Тихвинского сборник статей «История Российской духовной миссии в Китае»⁵. Он содержит перепечатку вышедшего в 1887 году труда иеромонаха Николая (Адоратского) о первом периоде истории миссии, а также ряд статей современных авторов, в которых рассматриваются отдельные аспекты и периоды ее деятельности, биографии известных начальников миссий, а также документы и статьи по некоторым конкретным вопросам развития православия в Китае. Данный сборник представляет ценный исторический материал, изложенный, однако, без определенной системы и без отношения к современному положению православия в Китае.

Ценнейшая информация по истории православия в Китае в XX – начале XXI веков содержится в монографии священника Дионисия Поздняева «Православие в Китае (1900–1997)» (с дополнениями) и в наиболее фундаментальном российском издании, содержащем параллельный текст на русском и китайском языках, – в опубликован-

¹ См., напр.: Веселовский Н.И. (ред.). Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине. Вып. 1. – СПб.: типогр. Главного управления уделов, 1905; Православие в Китае. – М.: ОВЦС МП, 2010.

² Многие из них собраны в сборнике под ред. Н.И. Веселовского.

³ См., напр.: Адоратский Н., иеромонах. Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования: Опыт церковно-исторического исследования по архивным документам. Вып. 1–2. – Казань, 1887; Он же. История Пекинской духовной миссии в первый период ее деятельности (1685–1745) // История Российской духовной миссии в Китае. Сб. статей. Ред. С.Л. Тихвинский, В.С. Мясников, А.С. Ипатова. – М.: Издательство Свято-Владимирского Братства, 1997. С. 14–164.

⁴ Андреева С.Г. Пекинская духовная миссия в контексте российско-китайских отношений (1715–1917 гг.). Дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. – М., 2001.

⁵ История Российской духовной миссии в Китае. Сборник статей // Под ред. С.Л. Тихвинского. – М., Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1997.

ной в 2010 году по благословению председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Волоколамского Илариона со вступительным словом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла книга «Православие в Китае»⁶.

В монографии Дионисия Поздняева собраны уникальные данные, которые, однако, хронологически заканчиваются 1997 годом. Красочно оформленное фундаментальное издание «Православие в Китае» содержит богатый материал по современному состоянию православия в этой стране. В книге также есть разделы, в которых последовательно излагается история Российской духовной миссии в Китае, однако они носят компилятивный характер. Издание снабжено интересными иллюстрациями, в том числе фотографиями многих важнейших документов, и особенно интересно тем, что в тексте представлены позиция и подходы РПЦ к важнейшим вопросам истории и современного состояния православия в Китае. В то же время его вряд ли можно признать научным: текст не снабжен научным аппаратом, не всегда ясно, в каких частях приводятся новые данные, а какие являются компиляцией предыдущих исследований, отсутствуют даже данные об авторе (авторах) текста (имеется только список редакционного совета, не все члены которого могли быть авторами текста).

Кроме вышеперечисленных работ в данном исследовании использовались общие труды российских авторов по христианству в Китае⁷, работы по истории китаеведения в части, касающейся православных деятелей⁸, а также ряд статей, сообщений и документов в различных научных и периодических изданиях и в Интернете⁹.

Общая черта российских работ заключается в том, что в них подробно изложена история вопроса и позиция, близкая к подходам РПЦ. В них можно найти информацию и об официальной позиции китайских властей, однако их реальные взгляды и мотивация действий практически не обсуждаются.

В Китае до 80-х годов XX века открытые исследования православия по политическим причинам почти не велись. Оно описывалось в основном в пропагандистских материалах. (Типа вышедшей в 1979 году брошюры «История использования царской Россией православия в агрессии против Китая»¹⁰, содержание которой соответствует названию, а само издание было призвано дать теоретическую основу для проводимого тогда курса на создание «единого фронта» против СССР.) Идея, что православие, как и все прочие религии, выполняло роль инструмента агрессивной политики западных держав, являясь фундаментальным постулатом официальной идеологии КНР, во многом сохранилась и до сегодняшнего дня.

⁶ Священник Дионисий Поздняев. Православие в Китае (1900–1997). – М.: Изд. Свято-Владимирского братства, 1998. URL: http://www.orthodox.cn/localchurch/pozdnyayev/index_ru.html; Православие в Китае. – М.: ОВЦС МП, 2010.

⁷ См., напр.: Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. – М.: Восточная литература, 2002; Священник Петр Иванов. Из истории христианства в Китае. – М.: Институт востоковедения РАН, 2005. Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. URL: <http://www.obraforum.ru/pdf/dazyshen.pdf>

⁸ См., напр.: Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. – М.: Наука, 1977.

⁹ См., напр.: Ковалева Е.В. Православная церковь в Харбине: служение епископа Ювеналия (Килина) // Вестник церковной истории. 2007. № 4 (8). С.42–58; Православие в Китае. URL: <http://www.orthodox.cn>; Китай неизвестный. Интервью со священниками Дионисием Поздняевым и Петром Ивановым. URL: http://www.pravoslavie.ru/press/foma_china.htm; Китайская автономная православная церковь. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1143899.html>

¹⁰ 黄心川 (Хуан Синьчуань), 张伟达 (Чжан Вэйда) 沙俄利用东正教侵华史话 (История использования царской Россией православия в агрессии против Китая). 北京, 中华书局, 1979.

Позднее, однако, было издано несколько монографических исследований и ряд статей, посвященных как православию в целом, так и его развитию в Китае. Наиболее раннее из них – вышедшая в 1986 работа известного китайского религиоведа Чжан Суй «Православие и православие в Китае»¹¹. Как явствует из названия, монография посвящена как православию в целом, так и его истории в Китае. К настоящему времени она во многом устарела. В 1999 году вышла монография сотрудника Института мировых религий АОН КНР Юэ Фэна «История православия», а в 2005 году – ее переработанное издание¹². В книге излагается история и основные доктрины православия, однако Глава 3 посвящена развитию православия в Китае.

Монографии Чжан Дамина «Российское православие и культура», сотрудников Института Восточной Азии Цзилиньского университета Фу Шучжэня и Лэй Липин «Русская православная церковь и государство (1917–1945)» и профессора факультета русского языка Пекинского университета иностранных языков Дай Гуйцзюй «Реформы Русской православной церкви (1861–1917)» посвящены определенным историческим периодам развития церкви и практически не содержат информации о Китае¹³. Опубликованное в 2000 году монографическое исследование Чжан Байчуня «Современная православная богословская мысль: богословие русского православия» анализирует российскую православную мысль и тоже содержит мало необходимой для данной работы информации¹⁴.

Пожалуй, наиболее полным и фундаментальным китайским исследованием является опубликованная в 2009 году монография доцента Нанькайского университета Сяо Юйчуня «Русская религиозная миссия и культурные связи между Китаем и Россией в период династии Цинь»¹⁵. Основанная на многочисленных источниках, в том числе и новых архивных материалах, и содержащая большое количество сведений не только о религиозной деятельности миссии, но и о проводимых в ней научных исследованиях, о ее роли в развитии российско-китайских связей в области образования, медицины и искусства, эта книга все-таки также не свободна от традиционных китайских идеологических подходов.

Православной проблематике посвящен и ряд статей китайских авторов, однако их общее число невелико и касаются они в основном православия в России. Однако две из них содержат ценнейший для нас материал. Первая – опубликованная в 2012 году в журнале «Мировая религиозная культура» статья научного сотрудника отдела христианства Института мировых религий АОН КНР Тан Сяофэна «Основные факторы распространения религий и распространение православия в Китае», в которой излагаются результаты проведенного в 2010 году группой сотрудников института обследования состояния православия и жизни верующих в провинции Хэйлунцзян и Автономном

¹¹ 张绥 (Чжан Суй). 东正教和东正教在中国 (Православие и православие в Китае). 上海, 学林出版社. 1986.

¹² 乐峰 (Юэ Фэн). «东正教史» (История православия). 北京. 中国社会科学出版社, 1996. Дополненное изд.: 2005.

¹³ 张达明 (Чжан Дамин): 《俄罗斯东正教与文化》 (Российское православие и культура), 北京, 中央民族大学出版社, 1999. 傅树政 (Фу Шучжэн)、雷丽萍 (Лэй Липин): 《俄国东正教会与国家 (1917–1945)》 (Русская православная церковь и государство (1917–1945)), 北京, 社会科学文献出版社, 2001. 戴桂菊 (Дай Гуйцзюй): 《俄国东正教会改革 (1861–1917)》 (Реформы Русской православной церкви (1861–1917)), 北京, 社会科学文献出版社, 2002.

¹⁴ 张百春 (Чжан Байчунь): 《当代东正教神学思想 – 俄罗斯东正教神学》 (Современная православная богословская мысль: богословие русского православия), 上海, 三联书店, 2000. Дополненное изд.: 2006.

¹⁵ 肖玉春 (Сяо Юйчунь): 《俄国传教团于清代中俄文化交流》 (Русская религиозная миссия и культурные связи между Китаем и Россией в период династии Цинь), 天津, 天津人民出版社, 2009.

районе Внутренняя Монголия¹⁶. Вторая – любезно предоставленная автором статья директора Института религий Шанхайской академии общественных наук Янь Кэцзя «Исследование современной ситуации с деятельностью русского православия в Шанхае и система управления ею после Всемирной выставки», в которой излагается китайский взгляд на ситуацию с православием в Шанхае и даются соответствующие рекомендации руководству города¹⁷. В этом же ряду стоит и защищенная в 2008 году в Синьцзянском педагогическом университете магистерская диссертация Го Вэньцзина «Анализ истории и современного положения православия в Синьцзяне»¹⁸.

Общей чертой работ китайских исследователей является то, что через них транслируются принятые в КНР точки зрения на религию в целом и православие в частности. Часто религии рассматриваются не сами по себе, а как инструмент политики отдельных государств, порой враждебной.

Из работ исследователей других стран выделяется вышедшая в 1976 году монография американского профессора Э. Уидмера «Русская церковная миссия в Пекине в XVIII веке»¹⁹. Подробно излагая историю развития миссии в первый период ее существования, автор этим и ограничивается, к тому же некоторые данные на сегодняшний день устарели. Более новое исследование К. Бэйкера «История Православной церкви в Китае, Корее и Японии» содержит подробное описание развития православия в Китае, однако в ней немного оригинальных материалов²⁰.

Структура работы

Работа состоит из четырех разделов. В настоящем Введении раскрыты цели и задачи работы, методология исследования, дан краткий обзор использованных источников и литературы. Второй раздел содержит краткий исторический очерк развития православия в Китае. Он не является оригинальным исследованием, но вплотную подводит к современным проблемам православия в Китае, в нем характеризуются основные исторические причины их возникновения.

В третьем разделе на основе анализа китайского законодательства и интервью с заместителем руководителя Государственного управления по делам религии КНР Чжан Лэбином, возглавляющим китайскую часть российско-китайской группы по контактам и сотрудничеству в религиозной сфере, освещается и обобщается официально провозглашаемый китайский подход к религии вообще и к православию в частности. В двух следующих, четвертом и пятом разделах, на основе некоторых внутренних документов, исследовательских оценок, интервью с китайскими экспертами, а также анализа религиозной политики китайских властей обрисована модель реального отношения в Китае к религиозным проблемам в целом (раздел 4) и православию в том числе (раздел 5). В Заключении содержатся выводы и рекомендации относительно перспектив возрождения Китайской автономной православной церкви. Завершает работу список основных источников и литературы по теме.

¹⁶ 唐晓峰 (Тан Сяофэн): «从宗教传播诸要素看东正教在中国的传播» (Основные факторы распространения религий и распространение православия в Китае), 《世界宗教文化》, 2012年, 第六。

¹⁷ 晏可佳 (Янь Кэцзя): «在沪俄罗斯东正教活动的现状, 以及后世博时期相关管理体制的研究» (Исследование современной ситуации с деятельностью русского православия в Шанхае и система управления ею после Всемирной выставки), 《上海蓝皮书: 上海社会发展报告 (2011)》。

¹⁸ 郭文静 (Го Вэньцзин): «东正教在新疆的历史与现状分析» (Анализ истории и современного положения православия в Синьцзяне), 《新疆师范大学宗教学首饰论文》, 2008年, 第16-17页。

¹⁹ Eric Widmer, *The Russian Ecclesiastical Mission in Peking during the Eighteenth Century*. – Cambridge, Mass.: Cambridge University Press, 1976.

²⁰ Kevin Baker, *A History of the Orthodox Church in China, Korea and Japan*. – New York: Edwin Mellen Press, 2006.

Православие в Китае. Краткий исторический очерк

Согласно Священному преданию Церкви, христианство проповедовалось в Китае еще апостолом Фомой, чему есть косвенные свидетельства в некоторых раннехристианских источниках²¹. В 635 году (династия Тан) в Китай из Персии прибыли несторианские миссионеры, что привело к распространению этого христианского направления до его запрета в 845 году, а затем некоторому возрождению в период правления монгольской династии Юань (1271–1368)²². В конце XIII века в Китае появились первые католики, которые получили разрешение на проповедь. В 1299 году в Пекине был построен первый католический храм, однако к середине XIV века и несторианство, и католицизм пришли в упадок. Влияние католицизма было восстановлено в XVI веке с прибытием иезуитов, которые стали играть важную роль при императорском дворе. Таким образом, ко времени проникновения в Китай православия в Пекине были хорошо знакомы с католическим учением, а деятельность католиков была разрешена.

Православие пришло в Китай в 1685 году вместе с несколькими десятками русских, плененных и перешедших на китайскую службу после падения крепости Албазин на берегу Амура. По распоряжению императора маньчжурской династии Цин Канси им был отведен для постоянного проживания участок земли на северо-восточной окраине Пекина, а сами они зачислены на службу в маньчжурское войско. Император также разрешил перестроить расположенное неподалеку святилище китайского божества войны Гуань-ди в православную часовню во имя св. Николая. До 1695 года в ней служил находившийся среди пленных священник Максим Леонтьев. Иногда службу проводили и священники, приезжавшие с русскими торговыми караванами и остававшиеся в Пекине короткое время. По свидетельству очевидцев, на богослужениях бывало мало китайцев, «приходили только слуги, которые, становясь в притворе, без шапок слушали богослужение»²³.

В 1695 году тобольский митрополит Игнатий (Римский-Корсаков, 1639–1701) направил в Пекин священника Григория из Верхотурска и диакона Лаврентия из Тобольска с антимином, св. миром, богослужебными книгами и церковной утварью. С ними митрополит Игнатий направил и грамоту, в которой благословлял о. Максима на устройство и освящение храма во имя Софии – Премудрости Божией.

В грамоте митрополит выразил сочувствие в связи с пленением православных, но призвал использовать эту ситуацию для распространения в Китае православной веры среди китайцев: «О святом Духе сыну и сослужителю нашего смирения, проповеднику святого Евангелия в китайском царствии, *благоговейному* иерею Максиму Леонтьеву и всем православным христианам, обитающим в китайском царствии, архипастырское благословение... Радуются аз о твоём исправлении; аще и в плене пребываеши, но сам, с Божиею помощию, пленяеши человеки неведующия в познание евангельския правды: и сего ради, возлюбленне, да не смущается, ниже да оскорбляется душа твоя и всех пленных с тобою о вашем таковом случае, понеже Божии воли кто противитися может?

²¹ См.: Дионисий Поздняев. Православие в Китае (1900–1997). Глава 1.

²² Несторианство в Китае. URL: <http://magazeta.com/2010/08/nestorianstvo-v-kitae/>

²³ Иеромонах Николай (Адоратский). История Пекинской духовной миссии в первый период ее деятельности (1685–1745) // История Российской духовной миссии в Китае. С. 54; Православие в Китае. С. 22.

А пленение ваше не без пользы китайским жителям, яко Христовы православныя веры свет им вами открывається, и вам спасение душевное и небесная мзда умножается»²⁴.

Грамота свидетельствует и о том, что с самого начала православная церковь заняла самую конструктивную позицию в отношении китайского государства и его властей. В ней митрополит Игнатий приказал возносить за литургией во время великой ектеньи прошение о китайском императоре, его родственниках и придворных²⁵.

В 1696 году священник Максим Леонтьев вместе с присланными из России священнослужителями освятил часовню во имя Софии – Премудрости Божией. Эту первую православную церковь в Китае долгое время называли Никольской по находившейся в ней и почитавшейся албазинцами иконе Святителя Николая, которую они привезли с собой из России.

К концу XVII века сведения о православных в Китае дошли до высшего руководства страны. В 1700 году Петр I своим указом повелел киевскому митрополиту Варлааму (Ясинскому) подыскать «доброго и ученого и благого жития человека, которому бы в Тобольске быть митрополитом, и мог бы Божией помощью в Китае и в Сибири в слепоте идолослужения и прочих неверствиях закоснелых человек приводить в познание и служение истинного, живого Бога...»²⁶.

В указе были определены и задачи будущей миссии. Петр повелел будущему митрополиту привести с собой «добрых и ученых не престарелых иноков двух или трех человек, которые бы могли китайскому и мунгальскому языку и грамоте научиться, и их суеверие познав, могли бы твердыми Св. Евангелия доводами многие души области темные сатанинские привести во свет познания Христа Бога нашего и тамо (в Пекине – *А.Л.*) живущих и приезжих христиан от прелести всякой идолослужения их отвадить, и тако могли бы жити, и у той построенной Божией церкви (албазинской) служить, чтоб своим благим житием хана китайского и ближних его людей и обще их народ привести бы к тому святому делу и к российского народа людям, которые по вся годы с караваны торга и для всяких посылок порубежных ездят, учинить себя склонительных»²⁷.

Мы видим, что среди задач, поставленных Петром I, важнейшей признавалось окормление живущих и приезжающих в Китай, а затем уже проповедь среди китайцев. Для этой проповеди нужно было изучать местные языки и обычаи. Неслучаен и выбор священников из Малороссии, которые часто были в то время более образованы и обладали опытом противостояния католическому влиянию. О том, что Петру из отчетов русских дипломатов и других источников было известно о влиянии иезуитов в Китае, говорит его ответ на сообщение думного дьяка А.А. Виниуса из Тобольска о том, что в Пекине построена православная церковь и многие китайцы крестились: «То дело зело изрядно. Только, для Бога, поступайте в том опасно и не шибко, дабы китайских начальников не привести в злобу, также езуитов, которые там от многих времен гнездо свое имеют. К чему там надобны попы не так ученые, как разумные и покладистые, дабы чрез некоторое кичение оное святое дело не произошло в злейшее падение...»²⁸.

²⁴ Иеромонах Николай (Адоратский). Указ. соч. С. 54–55.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С.60.

²⁷ Там же. С.61.

²⁸ Дионисий Поздняев. Православие в Китае (1900–1997). С. 24.

Таким образом, с самого начала российские власти ориентировали находившихся в Китае православных миссионеров на сотрудничество с местными властями, советовали им ничем не вызывать раздражения с их стороны, а также недовольства других влиятельных религиозных направлений, представители которых могли бы сформировать у китайских властей негативное отношение к православию.

В 1711 году на Тобольскую кафедру был назначен архиепископ Черниговский Иоанн (Максимович), в тот же году возведенный в сан митрополита (прославлен в лике Святителей 10 июня 1916 года). В ответ на многочисленные ходатайства албазинцев о присылке им священника из России, которые усилились после смерти о. Максима Леонтьева (вероятно, в 1712 г.), император Канси разрешил направить в Пекин российскую духовную миссию и даже просил, чтобы с ней прибыл хороший врач. Узнав об этом, Петр I распорядился направить в Пекин такую миссию в составе архимандрита, священника, дьякона и причетников.

Миссия прибыла в Пекин 30 апреля 1715 года. Ее возглавил уроженец Чернигова, выпускник Киевской духовной академии архимандрит Иларион (Лежайский, 1657–1717), который уже имел опыт служения в Сибири, будучи настоятелем Спасского монастыря в Якутске²⁹. В состав миссии вошли также иеромонах Лаврентий, иеродьякон Филимон и семь причетников. Всех их, как и албазинцев, зачислили на императорскую службу с выплатой жалования и присвоением китайских чиновничьих степеней. В 1737 году (при назначении 3-й миссии) российское правительство добилось отмены зачисления членов миссии на китайскую госслужбу, но до 1858 года китайское правительство выплачивало им жалование, как бы подчеркивая, что они выполняют работу, угодную китайским властям, и полностью включены в законные рамки китайской государственной системы³⁰.

История Российской духовной миссии в Китае насчитывает почти два с половиной столетия. Она существовала до 1954 года. За это время в Китай было направлено 20 миссий (см. Табл. 1). Служба в Китае была тяжелой: только чтобы добраться до Пекина, нужны были долгие месяцы; русские люди сталкивались с чужой культурой, непониманием властей и нехваткой средств. Многие начальники миссий умирали, так и не вернувшись на родину. Но некоторые, набравшись тяжелого опыта, по возвращении становились крупными церковными деятелями в России. Такими были, например, Гервасий (Линцевский), сыгравший как епископ Переяславский и Бориспольский большую роль в поддержании и распространении православия на территориях, в то время принадлежавших Польше; Гурий (Карпов), ставший архиепископом Таврическим и Симферопольским; известный духовный писатель Флавиан (Городецкий), впоследствии – митрополит Киевский и Галицкий; или епископ Виктор (Святин), после возвращения в СССР возведенный в сан митрополита Краснодарского и Кубанского.

С 1716 по 1954 годы в Китае работало 20 миссий и свыше 200 проповедников. Существуют различные предложения по периодизации истории Российской духовной миссии. Наиболее обоснованная и ясная периодизация была дана в 1935 году начальником последней, 20-й миссии, епископом Виктором (Святым) в докладе по случаю празднования 250-летнего юбилея ее деятельности:

²⁹ См: Пан. Т.А. Архимандрит Иларион (Лежайский) и первая Пекинская Духовная Миссия (1717–1729 гг.) // Исторический вестник. 2000. № 2 (6). – М.; Воронеж: изд-во Воронежско-Липецкой епархии, 2000. С. 196–202.

³⁰ Дионисий Поздняев. Православие в Китае (1900–1997). С. 30.

1-й период (1685–1728) – от прибытия албазинцев в Пекин до заключения Кяхтинского договора, статья 5-я которого официально признала право нахождения РДМ в Пекине. Этот период назван временем «внедрения пришедших албазинцев в китайский быт».

2-й период (1728–1861) – время установления и развития научной и дипломатической деятельности миссии.

3-й период (1861–1900) – время оживления миссионерской деятельности с сохранением акцента на научном изучении Китая. Этот период заканчивается разрушением миссии ихэтуанями («боксерами»).

4-й период (1902–1917) – возрождение миссии, учреждение православной епископской кафедры в Китае, расширение миссионерской и торгово-экономической деятельности.

5-й период (после 1917) – превращение миссии в церковно-общественный центр русской эмигрантской колонии в Китае и на Дальнем Востоке³¹.

Таблица 1. Российские духовные миссии в Китае³²

Номер миссии	Годы работы	Начальник	Годы жизни	Сан в период начальствования	Высший сан
1	1715–1727	Илларион (Лежайский)	1657–1717	архимандрит	архимандрит
2	1727–1735	Антоний (Платковский)	1682(?)–1746	архимандрит	архимандрит
3	1736–1743	Иларион (Трусов)	?–1741	архимандрит	архимандрит
4	1744–1755	Гervasий (Линцевский)	ок. 1700–1769	архимандрит	епископ
5	1755–1771	Амвросий (Юматов)	1717–1771	архимандрит	архимандрит
6	1771–1781	Николай (Цвет)	?–1784	архимандрит	архимандрит
7	1781–1794	Иоаким (Шишковский)	ок. 1750–1795	архимандрит	архимандрит
8	1794–1807	Софроний (Грибовский)	?–1814	архимандрит	архимандрит
9	1807–1821	Иакинф (Бичурин)	1777–1853	архимандрит	архимандрит

³¹ См.: Андреева С.Г. Пекинская духовная миссия в контексте российско-китайских отношений (1715–1917 гг.). С. 4–5.

³² Таблица составлена автором с использованием различных источников.

10	1821– 1830	Петр (Каменский)	1765– 1845	архимандрит	архимандрит
11	1830– 1840	Вениамин (Морачевич)	?–1853 (?)	архимандрит	архимандрит
12	1840– 1849	Поликарп (Тугаринов)	1799– 1868	архимандрит	архимандрит
13	1850– 1858	Палладий (Кафаров)	1817– 1878	архимандрит	архимандрит
14	1858– 1864	Гурий (Карпов)	1814– 1882	архимандрит	архиепископ
15	1865– 1878	Палладий (Кафаров)	1817– 1878	архимандрит	архимандрит
16	1879– 1884	Флавиан (Городецкий)	1841– 1915	архимандрит	митрополит
17	1884– 1896	Амфилохий (Лутовинов)	?–1905	архимандрит	архимандрит
18	1896– 1931	Иннокентий (Фигуровский)	1863– 1931	архимандрит, епископ (с 1902)	митрополит
19	1931– 1933	Симон (Виноградов)	1876– 1933	архиепископ	архиепископ
20	1933– 1954	Виктор (Святин)	1893– 1966	епископ, архиепископ (с 1938)	митрополит

К этой схеме сегодня следует добавить еще три периода:

6-й период – 1945–1966 – время подготовки создания КАПЦ и первые годы ее деятельности.

7-й период – 1966–1978 – смерть последнего китайского архиерея, начало «культурной» революции», период репрессий, когда деятельность КАПЦ была фактически приостановлена.

8-й период – с 1978 г. по настоящее время – медленное возрождение КАПЦ.

До начала 60-х годов XIX века собственно миссионерской деятельностью миссия занималась мало. Ее основной задачей было поддержание в православной вере потомков албазинцев, однако и с этой задачей разные миссии справлялись неодинаково эффективно. Фактическое отсутствие миссионерской деятельности обуславливалось рядом причин. Во-первых, она ограничивалась китайскими властями. Во-вторых, российское правительство постоянно настаивало на «осторожности» в деятельности членов миссии, так как опасалось, что активное миссионерство вызовет недовольство китайских властей, что негативно повлияет на двусторонние отношения и положение миссии.

Эти осторожность и невмешательство в политические дела Цинской империи давали определенные результаты. Российские миссии все же никогда не подвергались преследованиям, как иногда католики, и сохраняли хорошие отношения с китайскими чиновниками. В то же время, позиция МИДа часто входила в противоречия с инструкциями Священного Синода, который призывал к более активному миссионерству³³. В-третьих, квалификация членов миссии порой была явно недостаточной³⁴.

Не следует забывать, что миссионерам с самого начала пришлось столкнуться с принципиально иным пониманием мира в Китайской империи. Если Россия рассматривала Китай как крупное и в принципе равное себе государство, то согласно традиционному китайскому представлению в мире существует только одно государство – Срединная империя, которая взаимодействует с многочисленными варварами. Послушные варвары должны были признать власть китайского императора, а их послы периодически подносить ему дань, исполняя процедуру коу-тоу (девятикратного земного поклона, стоя на коленях) во время церемонии их приема при дворе. За это император щедро их одаривал. Тех же, кто противился и пытался оказывать сопротивление, приходилось «усмирять» военной силой. Иностранцы теоретически не могли проживать в империи, поэтому российские миссионеры, которым милостиво разрешили переехать в Китай, воспринимались там как эмигранты на китайской службе, а не как представители России. Именно поэтому их и зачислили на службу и платили жалование. Таким же образом набирали на различные должности астрономов, докторов, ученых и т.п. Конечно, реальное положение дел и задачи этих европейцев многими в Китае понимались, но официально необходимо было соблюдать сложившиеся традиции. Понимание этого миссионерами давало им возможность нормального существования в Пекине³⁵.

В то же время миссия вела большую работу по другим направлениям. Во-первых, она фактически исполняла обязанности неофициального дипломатического представительства. Российский МИД принимал активное участие в подготовке каждой миссии, финансируя их и снабжая инструкциями. С третьей миссии в состав ее членов входил пристав из числа сотрудников МИД или военных, который выполнял в Пекине отдельные дипломатические поручения, часто используя учеников. В задачу учеников, также сопровождавших каждую миссию, входило изучение китайского, маньчжурского, монгольского и тибетского языков (признанные языки Цинской империи) для дальнейшей работы драгоманами в МИДе. Иногда они использовались для перевода переговоров и официальных документов.

Во-вторых, в миссии велась большая научная деятельность. Многие ее сотрудники стали первопроходцами российского китаеведения, они переводили китайские трактаты, составляли словари, писали статьи и книги о Китае, его политическом и экономическом устройстве, истории и географии. Особенно здесь можно выделить начальника 9-й миссии, автора первых российских научных исследований Китая о. Иакинфа (Бичурина).

В углублении российского понимания Китая не меньшую роль играли участвовавшие в миссиях художники и врачи, некоторые из которых стали популярными

³³ Андреева С.Г. Пекинская духовная миссия... С.45–48; Иванов П.М. Православные миссионерские станы в Китае в начале XX века. // История Российской духовной миссии в Китае. – М., Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1997.

³⁴ Андреева С.Г. Указ. соч. С. 38.

³⁵ См.: Fairbank John K. (ed.) *The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1968.

и в Китае³⁶. В 1822 году при миссии было открыто мужское духовное училище, а в 1859 году – школа для девочек³⁷.

В 1858 году между Россией и Китаем был подписан Тяньцзиньский трактат, содержащий пункт о свободе проповеди православия в Китае. Он предоставлял также российским подданным привилегию консульской юрисдикции и неподсудность китайским законам, а России – права наиболее благоприятствуемой нации³⁸ (что впоследствии дало повод китайским историкам обвинять РПЦ в содействии российскому империализму). А после подписания Пекинского трактата в 1860 году, согласно которому граница прошла по Амуру, а его левый берег был признан российским, Россия направила в Китай полномочного дипломатического представителя.

В 1864 году император Александр II своим указом утвердил «Закон о преобразовании Пекинской (Духовной) Миссии», по которому она отделялась от дипломатических функций, а все светские лица переводились в миссию дипломатическую. С этого момента ее собственно миссионерская деятельность расширилась, хотя российское правительство еще около 50 лет требовало от миссионеров сдержанности³⁹.

Научная и переводческая деятельность была продолжена и достигла новых высот. Особо выделялась деятельность начальника 13-й и 15-й миссий архимандрита Палладия (Кафарова), составившего знаменитый, наиболее полный на тот момент страноведческий китайско-русский словарь и создавшего русскую систему транскрибирования китайского языка, которая используется до сегодняшнего дня. Однако в целом научная деятельность миссии получала постепенно все более прикладной, собственно религиозный характер: миссионеры занимались переводом на китайский язык священных и богослужебных текстов, церковной и духовно-нравственной литературы. В 1884 году иеромонах 16-й миссии Николай (Адоратский) так объяснял эти изменения в ее работе: «В силу параграфа 2 инструкции, данной ей в руководство Св. Синодом, деятельность ее ограничивается поддержанием православия среди потомков албазинцев и немногочисленных новокрещенных семейств, да подаванием религиозной помощи русским, проживающим в Китае. От внешней пропаганды она не уклоняется по силе того же второго параграфа инструкции, но за недостатком средств вынуждена сосредоточить свою деятельность на переводах, богослужении и требоисправлении...»⁴⁰.

Во второй половине XIX века в Китае остро встал «миссионерский вопрос». После поражения в «опиумных войнах» и заключения тяньцзиньских трактатов с западными державами, которыми была разрешена свободная религиозная пропаганда и введены права экстерриториальности для иностранцев, хлынувшие в Китай католические и протестантские миссионеры «могли, опираясь на силу договоров, а также военную мощь своих государств, действовать порой практически безнаказанно в своих интересах и со своих позиций, не особенно считаясь с китайскими законами и мнением народа и

³⁶ Андреева С.Г. Пекинская духовная миссия... С. 41–71, 87–93; Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения; Смирнов Г.Ю. А.М. Легашев, К.И. Корсакин, И.И. Чмутов, Л.С. Игорев // Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников. Середина девятнадцатого века. – М.: Искусство, 1958.

³⁷ Андреева С.Г. Указ.соч. С. 41–71, 87–93; Скачков П.Е. Указ. соч.

³⁸ Тяньцзиньский русско-китайский трактат (1858) // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. – М., 1952. URL: [http://ru.wikisource.org/wiki/Тяньцзиньский_русско-китайский_трактат_\(1858\)](http://ru.wikisource.org/wiki/Тяньцзиньский_русско-китайский_трактат_(1858)).

³⁹ Иванов П.М. Православные миссионерские станы в Китае в начале XX века // История Российской духовной миссии в Китае. – М., Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1997.

⁴⁰ Николай (Адоратский). Деятельность Православной духовной миссии в Китае. Цит. по: Андреева С.Г. Пекинская духовная миссия ... С. 86.

правительства. Нередко возникавшие при этом злоупотребления и становились причинами жестких столкновений китайцев с иностранцами»⁴¹.

Так как миссионерская деятельность РПЦ в Китае имела крайне ограниченный характер, Россия не особенно опасалась за судьбу миссии. Тем не менее, когда гнев в отношении иностранцев достиг апогея и на рубеже веков выплеснулся в движении «ихэтуаней» («боксерском»), уничтожаться стали все иностранцы без разбора. В областях, охваченных восстанием, разрушались церкви, преследовались не только иностранные священники и проповедники, но и китайцы-христиане (всего погибло около 30 тыс. христиан). Захватившие Пекин в мае 1900 года восставшие сожгли миссию, от их рук погибло более 200 человек⁴², в том числе православные китайцы, почти все ученицы женской школы и находившиеся на содержании в богадельне⁴³. Китайское правительство не смогло защитить иностранных подданных, на некоторых этапах оно даже симпатизировало восставшим.

Восстановление миссии началось после подавления восстания объединенными силами западных держав. В 1902 году архимандрит Иннокентий (Фигуровский) был возведен в сан епископа Переславского, в юрисдикцию которого вошли все православные церкви на территории Китая, в том числе миссия и «полоса отчуждения» Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). На месте разрушенной Успенской (ранее – Софийской) церкви миссии был возведен храм Всех Святых Мучеников со склепом, в котором погребли останки погибших. 10 и 11 июня был установлен местный праздник – день поминовения всех святых мучеников, в 1902 году создана архиерейская церковь во имя Святителя Иннокентия Иркутского, в 1903 году – возведена Успенская церковь. Появились типография, школы, склады, кирпичный завод, метеорологическая станция, промышленное бюро с различными мастерскими⁴⁴.

Расширилась и миссионерская деятельность. К 1910 году в Китае, в основном в Пекине и Маньчжурии (на КВЖД), службы вели уже около 40 православных священников, из них около половины занимались и распространением православия среди китайцев⁴⁵. Почти во всех провинциях Китая были организованы миссионерские станы, при которых, как правило, имелись небольшая церковь или молитвенный дом и школа⁴⁶. Штат обычно состоял из одного священника, чаще всего – китайца, который также был учителем в школе.

Развивалось издательское дело: печатались книги, брошюры, в том числе не только церковного содержания. С 1904 года в Харбине издавался журнал «Известия Братства православной церкви в Китае». В 1907 году в связи с переходом православных церквей, расположенных на территории Маньчжурии, в ведение Владивостокской епархии, журнал стал выходить в Пекине под названием «Китайский благовестник»⁴⁷.

После революции 1917 года в России в Китай хлынул поток эмигрантов и беженцев. В то же время связь Российской духовной миссии с церковным центром – Московской Патриархией – прервалась. Российская духовная миссия в Китае, как и другие

⁴¹ Андреева С.Г. Указ соч. С. 98, 133.

⁴² 222 человека в 1902 году были прославлены в лике святых мучеников.

⁴³ Андреева С.Г. Указ соч. С.116–117.

⁴⁴ Там же. С. 98, 133.

⁴⁵ Там же. С.145.

⁴⁶ Андреева С.Г. Указ соч. С.146; Иванов П.М. Православные миссионерские станы в Китае в начале XX века.

⁴⁷ Андреева С.Г. Указ соч.. С.155; Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения.

зарубежные учреждения РПЦ, на основании постановления Святителя Патриарха Тихона и Высшего церковного совета от 7(20) ноября 1920 года перешла во временное подчинение Зарубежному архиерейскому синоду. Определением Зарубежного синода в 1922 году была образована новая епархия – Пекинская и Китайская. Ее возглавил начальник 18-й Российской духовной миссии владыка Иннокентий (Фигуровский) в сане архиепископа (возведен в сан архиепископа согласно постановлению Синода и указу Патриарха Тихона от 13 мая 1921 года), а с 1928 года – митрополита.

Таким образом, сохранив старое название, миссия стала административным центром первой православной епархии на территории Китая. В пределах Пекинской епархии были в том же году образованы викариатства: в Шанхае – во главе с епископом Симоном (Виноградовым) и в Тяньцзине (позднее перенесено в Ханькоу) – во главе с епископом Ионой (Покровским)⁴⁸. В Маньчжурии же была образована непосредственно подчинявшаяся Зарубежному синоду Харбинская епархия, управлявшаяся митрополитом Харбинским Мефодием (Герасимовым). В ее пределах оказались бежавшие из России архиепископ Мелетий (Заборовский), архиепископ Нестор (Анисимов) и епископ Дмитрий (Вознесенский). Главной задачей миссии стала забота о беженцах из России: в 1919 году были закрыты все православные миссионерские станы на территории Китая⁴⁹.

Несмотря на сложную ситуацию, православная деятельность не угасла, хотя и затруднялась, среди прочего, многочисленными хозяйственными спорами. В 1924 году советские власти попытались заявить права на имущество миссии, однако архиепископу Иннокентию удалось доказать в суде, что оно принадлежит не государству, а церкви. Тогда же он провозгласил, что РДМ является Китайской православной церковью (中国东正教会), вероятно, для того чтобы на нее не могли претендовать власти СССР⁵⁰.

В то же время церковь укреплялась в ряде регионов. В 1921 году в Тяньцзине было основано Братство православной церкви, а при нем – больница, прогимназия и библиотека, а в 1928 году к маленькой часовне пристроен каменный храм. В 1928 году был открыт Дом милосердия преп. Серафима Саровского, а при нем сооружен молитвенный дом. Все это делалось на пожертвования русских благотворителей.

В Харбинской епархии, где сосредоточилась основная часть эмигрантов, открывались храмы, библиотеки, строились учебные заведения, в том числе и семинария, издавались православные книги, развивалась благотворительность⁵¹. В 1932 году в Харбине был освящен крупнейший в Китае Софийский собор. В 1937 году в Шанхае – Собор в честь иконы Божией Матери «Споручница грешных». В Синьцзяне действовали православные храмы в Кульдже, Урумчи и Чугунчаке⁵². К 1949 году в Китае было уже более 100 православных храмов, 8 монастырей (в том числе 3 женских) и 2 скита.

После смерти митрополита Иннокентия в 1931 году 19-ю Российскую духовную миссию возглавил архиепископ Симон (Виноградов). Его назначение оспорил старейший китайский священник, сын священномученика Митрофана Цзи (первого православного священника из китайцев) Сергей Чан, однако поддержки у верующих не получил.

⁴⁸ См.: Дионисий Поздняев. Православие в Китае (1900–1997)... Гл. 2.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С.118–119.

⁵¹ Там же. Гл. 2.

⁵² Там же. С.119.

Интересен комментарий по поводу этих событий авторов официального издания Московской Патриархии «Православие в Китае»: «Сам отец Сергей настаивал, что хочет создать Церковь для китайцев и вести среди них проповедь, обвиняя Российскую духовную миссию в Китае в одностороннем внимании к нуждам эмигрантов. Это требование было внешне сходно с лозунгами “китаизации” и “отуземливания”, которые проявились в то время в инославных церквях. В менее сложной ситуации руководство Российской духовной миссии в Китае могло бы приветствовать инициативу китайского священника, изъявившего желание возглавить православную церковь в Китае. Однако протестантский и католический опыт постепенной передачи в китайские руки церковного руководства было практически невозможно повторить в огромной православной общине, состоявшей не из китайцев, а из русских беженцев»⁵³. По сути, здесь признается, что в принципе «китаизация» могла бы состояться уже тогда, если бы не специфические условия того времени.

После смерти архиепископа Симона главой 20-й миссии Зарубежный синод назначил епископа Виктора (Святина). В 1934 году протоиерей Сергей Чан отверг и это решение, обратившись с письмом к местоблюстителю Патриаршего престола митрополиту Сергию, который ответил принятием миссии в ведение Московского Патриархата и поручением отцу Сергию Чану заведовать православными приходами в Китае. Однако это решение не было принято верующими, и епископу Виктору (Святину) удалось убедить китайское правительство в своей правоте.

В 1944 году, во время японской оккупации, епископ Виктор (Святин), оказавшийся в то время в Харбине, то есть на территории созданного японскими оккупационными властями марионеточного государства Маньчжоу-Го, обратился к Московскому Патриархату с просьбой о воссоединении, но ответа не получил. В июле 1945 году Епископское совещание в Харбине приняло решение просить Патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского) о возвращении в юрисдикцию Московского Патриархата, которое состоялось 27 декабря 1945 года. В 1946 году был образован Восточно-Азиатский экзархат, включавший Пекинскую, Харбинскую, Шанхайскую, Тяньцзиньскую и Синьцзянскую епархии. Однако тогда же, в 1946 году, епископ Шанхайский Иоанн (Максимович) восстановил общение с Русской зарубежной православной церковью (РЗПЦ). Это привело к созданию параллельных структур и расколу в Шанхае. Впрочем, после победы коммунистов в гражданской войне в 1949 году епископ Иоанн (позднее прославленный в лике святых) был вынужден уехать вместе с паствой на Филиппины, а затем – в США, где получил кафедру в Сан-Франциско. Архиепископ Виктор (Святин) возглавлял миссию в Китае до ее закрытия, а затем переехал в СССР, где служил архиепископом Краснодарским и Кубанским, а в 1961 году получил сан митрополита⁵⁴.

После прихода к власти Коммунистической партии Китая (КПК) и отъезда большей части русских эмигрантов Московский Патриархат взял курс на ускоренное создание китайской православной церкви для китайцев, где большинство иерархов были бы также китайцами. С 1951 по 1953 годы в Пекине приняли крещение 310 китайцев. В 1950 году в Троице-Сергиевой лавре Патриарх Московский и всея Руси Алексий I (Симанский) хиротонисал в сан епископа первого китайца – Федора Ду Жуньчэня, происходившего из албазинского рода Дубининых. Многие китайцы были также рукоположены в священники и дьяконы.

⁵³ Там же. С.128.

⁵⁴ Там же. С.137–138.

К 1951 году все китайские религиозные конфессии создали официальные «патриотические союзы», в которые входили только китайские верующие и которые, в соответствии с новым законодательством, не должны были управляться из-за границы. Однако православные этого сделать не могли: епископ Симеон (Ду) не имел полномочий, а архиепископ Виктор (Святин) был иностранцем. 30 июля 1954 года Священный синод Русской православной церкви принял решение упразднить Российскую духовную миссию в Китае, оставив все православные храмы в ведении Восточно-Азиатского экзархата. А 5 июня 1956 года под давлением политической обстановки экзархат был упразднен, все его имущество было передано китайским властям, которые в свою очередь безвозмездно предоставили советскому посольству часть территории миссии в Пекине.

В мае 1956 года архиепископ Виктор (Святин) выехал в СССР, после чего китайские власти дали согласие на назначение главой Китайской автономной православной церкви китайского гражданина, клирика миссии архимандрита Василия (Шуан) (по возведении его в сан епископа Пекинского), а также на управление отдельными частями КАПЦ рядом китайских священнослужителей. 23 ноября того же года Китайская церковь получила от Московского Патриархата статус автономной.

Утвержденный в этот день и подписанный Святейшим Патриархом Алексием «Проект положения о Китайской автономной православной церкви» гласил: «1) За закрытием Восточно-Азиатского экзархата, Московская Патриархия предоставляет Китайской православной церкви автономию; 2) Московская Патриархия утверждает (при отсутствии канонических препятствий) главу Китайской автономной православной церкви после избрании его этой Церковью; 3) Китайская автономная православная церковь получает Св. Миро от Русской православной церкви, возносит имя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси при богослужении и принимает участие в ее поместных соборах через своих представителей; 4) Во внутренних церковных делах Китайская автономная православная церковь имеет полную независимость»⁵⁵.

30 мая 1957 года в Москве был хиротонисан в епископа второй китайский гражданин – архимандрит Василий (Шуан), ставший епископом Пекинским⁵⁶. Далее ситуация складывалась следующим образом: «По возвращении в Китай новопоставленный епископ Василий должен был, согласно каноническим нормам, быть избран главой Китайской православной церкви. Для этого необходимо было созвать Собор. Однако позиция епископа Симеона, фактически способствовавшего разделению клира на два соперничающих лагеря, помешала созванию этого Собора»⁵⁷.

Впоследствии из-за политической ситуации и гонений на все религии в Китае речь о таком Соборе долгое время не шла, а сегодня, в связи со сложной политической и внутрицерковной ситуацией в КАПЦ, его крайне затруднительно провести. Таким образом, на сегодняшний день с точки зрения канонического права КАПЦ получила автономию от РПЦ, но при этом процедура ее дарования не была в то время до конца завершена (в частности, КАПЦ не был дарован Томос об автономии). В то же время начиная с 1997 года, автономный статус Китайской церкви неоднократно подтверждался Русской православной церковью, в том числе в решениях ее поместных и архиерейских соборов.

⁵⁵ Журнал № 15. Заседания Священного Синода от 23 ноября 1956 года. Цит. по: Дионисий Поздняев. Православие в Китае (1900–1997). С. 170–171.

⁵⁶ Дионисий Поздняев. Указ. соч.

⁵⁷ Там же. С. 119.

В последующие годы, в особенности в период «Великой пролетарской культурной революции» (1966–1976), все религии в Китае подвергались гонениям. Все храмы были закрыты, многие разрушены, верующие отправлены в лагеря перевоспитания, либо подверглись другим преследованиям. Ситуация стала постепенно улучшаться лишь с конца 70-х годов XX века.

В 1983 года правительство Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) официально признало право проживающего здесь «русского национального меньшинства» (то есть китайских граждан русской национальности, которых насчитывалось там около 10 тыс.) праздновать Рождество и Пасху, эти дни были объявлены для них нерабочими.

Протоиерей Дионисий Поздняев так описывает ситуацию в этом регионе: «Потомки русских – уже граждане КНР, но они сохранили традиционный казачий быт и уклад жизни. После смягчения политического климата в Китае с начала 80-х годов вновь изменилось отношение государства к русскому национальному меньшинству. Вера в рамках свободы религии вновь находится под охраной Конституции КНР. 25 апреля 1984 года главная газета КНР “Жэньминь жибао” сообщила о том, что государственная Комиссия по делам национальностей устроила для 600 русских официальный пасхальный прием в г. Урумчи, а правительство Синьцзяна еще в 1983 году официально признало за русскими право праздновать Рождество и Пасху. В эти дни им разрешено не выходить на работу. Церковный центр Синьцзяна переместился в Урумчи. В 1991 году по ходатайству православного населения Урумчи правительство СУАР построило взамен разрушенного храма новый, именующийся Никольским. На нем установлена табличка с надписью на трех языках – уйгурском, китайском и русском – “Урумчинская православная церковь”. Храм этот, правда, еще не был освящен, так как православные священники не появлялись в Синьцзяне почти 40 лет. Народ, однако, не потерял веру до сего дня, собираясь по воскресеньям и праздникам для совместной молитвы»⁵⁸. В 2000 году в городе Инин (Кульджа) был построен новый каменный храм, который был освящен в 2003 году. В 2008 году власти Синьцзяна выделили средства на строительство православного храма в городе Чугунчак (Тачэн)⁵⁹.

В 1986 году было дано разрешение на возобновление деятельности Покровского храма в Харбине. До своей смерти в 2000 году служил там отец Григорий (Чжу Шипу) – единственный официально признанный китайскими властями православный священник. 30 августа 2009 года живущим на покое в Шанхае священником Михаилом Ван Цюаньшэном был освящен построенный еще в 1990 году храм во имя Святителя Иннокентия Иркутского в Лабдарине (Автономный район Внутренняя Монголия).

С 1996 году регулярные богослужения проводились в Пекине на территории российского посольства в Китае в крестовом архиерейском храме в честь Святителя Иннокентия Иркутского. В 2009 году на территории посольства был восстановлен и вновь освящен Успенский храм, в здании которого ранее находился гараж. В нем настоятелем священником Сергием (Ворониным) стали проводиться регулярные богослужения⁶⁰. В Шанхае регулярные службы проводятся в помещении Генерального консульства России протоиереем Алексеем Киселевичем.

⁵⁸ Дионисий Поздняев. История православной церкви в Синьцзяне. URL: http://www.orthodox.cn/localchurch/pozdnyayev/app3_ru.htm

⁵⁹ Дионисий Поздняев. Православие в Китае (1900–1997). С. 194.

⁶⁰ Там же. С. 200–202

На время проведения Всемирной выставки в Шанхае в 2010 году китайские власти в соответствии со специально принятым в 2007 году документом «Способ выделения в экспериментальном порядке временных мест для проведения коллективных религиозных мероприятий иностранцев в городе Шанхае»⁶¹ разрешили проводить разовые службы в здании Никольского храма, в обычное время используемого как ресторан. Службы проводились по воскресеньям и крупным праздникам. Согласно китайским данным, на них присутствовало около 40 человек, но по праздникам – несколько сотен⁶². Власти Харбина также разрешали проведение разовых служб в Покровском храме в Харбине.

Особенностью этих разовых богослужений и богослужений в дипломатических представительствах является строгое правило, которому следуют китайские власти: если службу проводит российский священник, китайские граждане на нее не допускаются, так как она предназначена для иностранцев. Более того, официально китайские власти не признают служащих в дипломатических представительствах священников-россиян в качестве таковых (хотя, конечно, и понимают их реальную роль), так как постоянная служба иностранцев на китайской территории противоречит китайскому законодательству. В результате священника в Пекине пришлось оформить в штат посольства на светскую должность директора храма-музея. Китайские граждане, согласно пониманию властей, могут посещать только службы, которые проводят китайцы.

В 2008 году официальный канонический статус получил Петропавловский приход в Гонконге, который был основан еще в 1933 году, а возобновил деятельность в 2003 году. В 2004 году он был зарегистрирован как Православное братство Святых апостолов Петра и Павла (Московский Патриархат) для пастырского попечения как о православных иностранцах, проживающих в Гонконге, так и о постоянных жителях Гонконга. Братство возглавляется его председателем, протоиереем Дионисием Поздняевым, который также оказывает содействие возрождению КАПЦ. Оно ведет и большую работу по переводу и изданию книг о православии на китайском языке⁶³.

В Китае на сегодняшний день нет признанных китайскими властями священников, которые регулярно совершали бы службы. Существуют разные оценки количества верующих: от 1 до 20 тыс. человек. Они в основном сконцентрированы в Синьцзяне, Внутренней Монголии, провинции Хэйлуцзян, в Пекине и Шанхае. В связи с этой ситуацией Священный синод РПЦ в 1997 году констатировал, что, поскольку КАПЦ не имеет в настоящее время своего председателя, впредь до его избрания Поместным собором этой церкви в соответствии с православными канонами попечение о его пастве осуществляется Патриархом Московским и всея Руси как председателем Матери-Церкви. Об этом решении Патриарх Алексей II сообщил письмом Председателю КНР Цзян Цзэминю. Попечение о пастве, проживающей в Автономном районе Внутренняя Монголия, в 2000 году было возложено на епископа Читинского и Забайкальского, а о пастве Синьцзян-Уйгурского автономного района – на архиепископа Астанайского и Алма-Атинского⁶⁴.

⁶¹ 上海市人民政府关于发布 《上海市在沪外国人集体宗教活动临时地点制定试行办法》 的通知. (Уведомление Народного правительства города Шанхая об издании документа «Способ выделения в экспериментальном порядке временных мест для проведения коллективных религиозных мероприятий иностранцев в городе Шанхае».) URL: <http://www.shanghai.gov.cn/shanghai/node2314/node2319/node12344/userobject26ai9982.html>

⁶² 晏可佳 : 《在沪俄罗斯东正教活动的现状, 以及后世博时期相关管理体制的研究》.

⁶³ Дионисий Поздняев. Православие в Китае (1900–1997). С. 200; Приход Св. апостолов Петра и Павла в Гонконге. URL: http://www.orthodox.cn/contemporary/hongkong/index_ru.html

⁶⁴ Дионисий Поздняев. Православие в Китае (1900–1997). С. 198.

Для решения вопросов, связанных с КАПЦ, РПЦ ведет постоянный диалог с китайскими властями. Однако в связи с невозможностью его осуществления непосредственно, он ведется по государственным каналам. Этому способствует активная позиция высшего российского руководства.

Так, проблемы православия в Китае обсуждались во время визита Президента России В.В. Путина в Китай в октябре 2004 года и во время пребывания в России Председателя КНР Ху Цзиньтао в июле 2005 года. В марте 2006 года в составе делегации Президента РФ В.В. Путина Китай посетил председатель Отдела внешних церковных связей (ОВЦС) Московского Патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (ныне – Святейший Патриарх Московский и всея Руси). 22 марта, в день праздника Албазинской иконы Божией Матери «Слово плоть бысть», он совершил молебен в бывшем Иннокентиевском храме на территории Посольства России в Пекине⁶⁵.

В июне 2006 года для участия во Всемирном саммите религиозных лидеров Москву посетил начальник Государственного управления по делам религии КНР (ГУДР) Е Сяовэнь, которого принял Патриарх Алексий II⁶⁶. В феврале 2009 года состоялся официальный визит в Россию делегации ГУДР во главе с Е Сяовэнем, который участвовал в Патриаршей интронизации Кирилла, а в ноябре 2009 года с ответным визитом Китай посетила делегация Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации, в состав которой вошли представители ОВЦС. Состоялись переговоры о развитии российско-китайского сотрудничества в религиозной сфере в соответствии с утвержденными главами двух государств Планом действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой на 2009–2012 годы, который предусматривает, в частности, развитие диалога и сотрудничества между ведущими религиозными конфессиями России и Китая и установление контактов между Советом и ГУДР, а также Межрелигиозным советом России и Китайской ассоциацией по культурным и религиозным связям.

В ходе названного визита были подписаны два меморандума: по общим вопросам развития российско-китайских контактов и сотрудничества в религиозной сфере, а также об обучении китайских православных студентов в духовных школах РПЦ. Одновременно на основании меморандума о взаимопонимании между Советом и ГУДР была учреждена российско-китайская группа по контактам и сотрудничеству в религиозной сфере. Руководителем российской части рабочей группы назначен член Совета, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион, китайской – заместитель начальника ГУДР Чжан Лэбинь. В июне 2011 года в Отделе внешних церковных связей Московского Патриархата состоялись первые консультации группы, а в июне 2012 года в Китае – вторые⁶⁷.

Находясь в Китае, 19 июня 2012 года, в день памяти преподобного Илариона Нового, митрополит Волоколамский Иларион совершил Божественную литургию в Успенском храме на территории Посольства Российской Федерации в Пекине. 23 июня 2012 года в Николаевском храме Шанхая митрополит Иларион совершил Божественную литур-

⁶⁵ Митрополит Кирилл совершил молебен в Пекине. 22.03.2006. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/99146.html>

⁶⁶ Дионисий Поздняев. Указ.соч. С. 206.

⁶⁷ Российско-китайские консультации по сотрудничеству состоялись в Москве. 09.06.2011. URL: <http://www.pravoslavie.ru/news/46961.htm>; Состоялись консультации российско-китайской группы по контактам и сотрудничеству в религиозной сфере, 10.06.2012. URL: <https://mospat.ru/ru/2012/06/19/news66333/>; Рабочий визит митрополита Волоколамского Илариона в Китай. URL: <http://www.today.ru/text/1660711.html>

гию в сослужении клириков КАПЦ иерея Михаила Вана и протодиакона Евангела Лу, а 24 июня 2012 года, в День памяти 222 китайских мучеников, пострадавших за Христа в 1900 году, совершил Божественную литургию в Покровском храме города Харбина.

С 10 по 15 мая 2013 года состоялся первый в истории визит Предстоятеля Русской православной церкви в Китай. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл и возглавляемая им представительная делегация РПЦ посетила Пекин, Харбин и Шанхай. В первый день визита делегация была принята Председателем КНР Си Цзиньпином, в его ходе прошли встречи с китайскими верующими. Патриарх совершил Божественную литургию в Покровском храме Харбина и в здании бывшего собора в честь иконы Божией Матери «Споручница грешных» в Шанхае. Визит сыграл огромную роль в ознакомлении китайской общественности и руководства страны с сущностью православия и подходом РПЦ к взаимодействию с Китаем.

Сложившаяся на сегодняшний день ситуация с КАПЦ в РПЦ оценивается так: «Китайская православная церковь не погибла в годы тяжелых испытаний, но ее возрождение требует заботы и поддержки со стороны Матери-Церкви... Ныне Китай является областью пастырской ответственности для Русской православной церкви и будет оставаться таковой вплоть до восстановления иерархии Китайской автономной православной церкви. Важно подчеркнуть, что Китай – это каноническая территория Автономной церкви, жизнь которой регулируется канонами Вселенского православия, внутренними определениями Китайской церкви и законами КНР.. В настоящее время официально открытые в КНР православные храмы обладают юридическим статусом мест, в которых разрешено совершение православных богослужений. Однако в Китае нет единой православной религиозной организации, что серьезно осложняет задачу нормализации православной жизни, на пути к которой первым вопросом является рукоположение китайских священников. Русская православная церковь всеми силами поддерживает стремление китайских православных получить официальное государственное признание на всекитайском уровне»⁶⁸. При этом РПЦ хотела бы решать все вопросы в сотрудничестве с китайскими властями и выражает надежду на последовательную реализацию ими курса на строительство «гармоничного общества»⁶⁹.

В то же время сами китайские власти пока не признают существования КАПЦ. Для них в стране существуют лишь разрозненные и слабо организованные немногочисленные группы верующих православных.

Особняком звучит позиция Константинопольского Патриархата, который в 1996 году учредил митрополию в Гонконге, а в 2008 году без согласования с РПЦ изменил ее границы, включив в ее пределы всю территорию КНР. Данное решение, естественно, вызвало критику со стороны РПЦ, которая в заявлении Священного синода от 15 апреля 2008 года охарактеризовала решение Константинопольского Патриархата как несправедливое и канонически неправомерное, посягающее на права Китайской автономной православной церкви. Было подчеркнуто, что данное решение принято к тому же в одностороннем порядке, без ведома православных верующих, проживающих в Китае⁷⁰.

⁶⁸ Дионисий Поздняев. Указ.соч. С. 199–200, 214–215.

⁶⁹ Там же. С. 215.

⁷⁰ Заявление Священного синода Русской православной церкви в связи с решением Константинопольского Патриархата об учреждении епархиальной структуры на территории Китайской автономной православной церкви. 15.04.2008. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/392131.html>

Официально провозглашаемый подход к религии в КНР и православие

Свободу религии власти Китайской Народной Республики провозглашали с момента ее образования в 1949 году. Положение о свободе религии было зафиксировано во всех конституциях КНР (1954, 1975, 1978 и 1982 годов). В Статье 36 ныне действующей Конституции 1982 года оно сформулировано следующим образом: «Граждане Китайской Народной Республики имеют свободу вероисповедания. Никакие государственные органы, общественные организации и частные лица не могут принудить граждан исповедовать или не исповедовать религию, не могут дискриминировать граждан за исповедание или неисконфессание религии. Государство охраняет нормальное отправление религиозной деятельности. Никто не может использовать религию для нарушения общественного порядка, нанесения вреда здоровью граждан и в ущерб государственной системе образования. Религиозные организации и религиозные дела свободны от иностранного контроля»⁷¹.

Специального закона о религии или религиозных организациях в КНР нет. Однако такие различные законы, как «Закон КНР о национальной районной автономии», «Общие положения гражданского кодекса», «Закон об образовании», «Кодекс о труде», «Закон об обязательном образовании», «Закон о выборах в Собрания народных представителей», «Закон об организации сельских комитетов», «Закон о рекламе» и другие, предусматривают, что все граждане, независимо от отношения к религии, имеют право избирать и быть избранными в органы власти, законное имущество религиозных организаций находится под охраной законов, религия отделена от народного образования, при этом граждане, независимо от вероисповедания, пользуются равным правом на образование, в трудоустройстве недопустима дискриминация по религиозному признаку.

Согласно китайскому законодательству, школа в КНР отделена от религии. В государственных учебных заведениях не проводится занятий религиозного содержания. Часть высших учебных заведений и исследовательские органы имеют право вводить занятия по религиоведению и вести исследования по проблемам религии. Духовные учебные заведения, созданные религиозными организациями, обладают правом вести религиозное преподавание. Все национальные меньшинства должны уважать язык и письменность, нравы и обычаи, религиозные верования друг друга. В статьях и материалах рекламного характера и при создании товарных знаков не допускается содержание, которое может быть понято как дискриминирующее национальную принадлежность и вероисповедание⁷².

Религиозной политикой в КНР занимаются два органа: Отдел Единого фронта ЦК КПК (ОЕФ) как партийная структура и Государственное управление по делам религий (ГУДР) как часть аппарата государственной исполнительной власти. Во время беседы 18 декабря 2012 года заместитель начальника ГУДР Чжан Лэбинь дал подробное описание религиозной политики КНР на современном этапе⁷³.

⁷¹ Конституция КНР 1982 г. (с изменениями 1988, 1993, 1999, 2004 гг.). URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution/constitution_ch2

⁷² Религиозная политика в Китае. URL: <http://russian.cri.cn/chinaabc/chapter6/chapter60501.htm>

⁷³ Здесь и далее слова Чжан Лэбиня излагаются по аудиозаписи беседы, проводившейся автором в здании ГУДР в Пекине 18.12.2012. Язык записи – китайский.

По словам Чжан Лэбиня, ГУДР является ведомством, непосредственно подчиненным Госсовету КНР, и отвечает за религиозные дела. Основная задача ГУДР и местных органов, занимающихся религиозными вопросами, – «обслуживание религиозных групп и верующих граждан, защита законных прав китайских религиозных кругов, а также координация отношений между религией и обществом, между различными религиями, между верующими и неверующими гражданами». В задачу ГУДР также входит «используя закон, управлять религиозными делами, защищать законные интересы китайских религиозных кругов, чтобы гарантировать осуществление политики свободы религиозных верований в Китае».

В Китае, по заверениям Чжан Лэбиня, проводится политика свободы религиозных верований; в то же время государство и религия отделены друг от друга. Признаки этого отделения можно сформулировать в трех фразах: «в отношении верований – взаимное уважение, в отношении политики – единство и сотрудничество, в отношении действий – закон превыше всего». Многочисленные законы и правила, касающиеся религии, по его словам, можно обобщить в следующих нескольких пунктах.

1) Китайское правительство защищает и уважает свободу религиозных верований граждан Китая. Это конкретно выражается в том, что граждане Китая могут исповедовать любую религию, а могут не исповедовать никакой религии, могут исповедовать одну религию, а могут другую, могут сначала исповедовать одну религию, а затем – другую или больше не исповедовать никакой. Выбор религиозных верований есть фундаментальное право гражданина, ни у кого нет полномочий вмешиваться в его осуществление. В рамках этой политики граждане равны перед законом независимо от того, исповедуют ли они какую-либо религию или нет.

2) В Китае политическая власть и образование отделены от религии. Это означает, что религия не испытывает влияния политических и административных факторов, но в то же время не может вмешиваться в государственные дела и, прежде всего, в право на получение образования.

3) Религия, религиозные верования и связанная с ними деятельность должны нормально осуществляться в рамках правовой политики, основанной на Конституции. Так же, как и другие группы, религиозные группы, круги и верующие граждане в целом должны быть одновременно «хорошими верующими и хорошими гражданами». Ставить себя выше закона и Конституции не может никакая религиозная организация. В Китае нет религии, занимающей доминирующие позиции: все религии в соответствии с законодательством равны.

4) Китай придерживается принципа независимости и самоуправления религиозных организаций. Китайское правительство поддерживает развитие широких и глубоких дружественных связей с китайскими религиями на основе принципа равенства, дружбы, взаимного уважения, независимости и самостоятельности. При этом китайские религиозные дела, дела религиозных организаций не находятся под контролем зарубежных сил.

Далее Чжан Лэбинь следующим образом описал религиозную ситуацию в современном Китае. В Китае есть пять общенациональных религий. Во-первых, это буддизм. Буддизм зародился в древней Индии, однако затем распространился в Китае и теперь мировые буддийские круги признают, что Китай является центром мирового буддизма. Во-вторых, это исконно китайская религия – даосизм. В-третьих, ислам, который пришел извне уже более 1000 лет назад, но смог стать ярким и заметным явлением в

Китае, способствующим гражданскому миру и стабильному развитию, так как прошел процесс китаизации. В-четвертых, это такое традиционное христианское направление, как католичество. В-пятых, это христианский протестантизм, который в Китае называют просто «христианство».

По словам Чжан Лэбиня, существование в Китае этих пяти общенациональных религий – результат исторического развития. По подсчетам ГУДР, буддистов в стране насчитывается более 100 млн человек, даосистов – 10–20 млн, мусульман – примерно 20 млн, католиков – более 4 млн, протестантов – вероятно, 30–40 млн. В распоряжении этих пяти религий – 140 тыс. помещений, от 30 до 60 тыс. работников, 5,5 тыс. различных организаций и объединений, 110 специализированных учебных заведений, готовящих профессиональных служащих.

Кроме пяти общенациональных религий, в Китае существует еще несколько религий, имеющих «национальный», «региональный» и «местный» характер. Они представлены очень небольшими организациями. К ним относятся, например, иудаизм, бахаизм, мормоны, количество последователей этих направлений очень мало. Но еще одно явление, связанное с верованиями, которое, по словам Чжан Лэбиня, заслуживает внимания – это народные верования. Их особенностью является религиозный характер, связь с национальной культурной традицией, народность и низовой, коренной характер, однако характерная для религии организационная структура у них довольно слаба. В то же время, по мнению ГУДР, китайские народные верования не уступают другим религиям по влиянию на религиозную жизнь китайцев, количество их последователей сравнимо с количеством адептов других религий, по количеству мест для осуществления религиозных мероприятий они также не уступают другим религиям.

Такая широта религиозной жизни, затрагивающая потребности широких масс граждан, определяет, по словам Чжан Лэбиня, большое внимание китайского правительства к религиозным верованиям. Поэтому правительство создало государственный орган, который управляет религиозными делами, а КПК как правящая партия также имеет специальное рабочее подразделение, занимающееся религиозными делами с партийного угла зрения. Это подразделение ЦК КПК с важнейшими функциями называется Отдел Единого фронта ЦК КПК. У него много функций, но одна из них – разрабатывать политический курс по религиозному вопросу, изучать религиозную политику, способствовать проведению в полном объеме определенного партией политического курса в отношении религии.

Различие между Отделом Единого фронта ЦК КПК и ГУДР, по словам Чжан Лэбиня, состоит в том, что ОЕФ – орган по религиозным вопросам, сформированный партией, а ГУДР – правительственный орган по управлению религиозными делами. Первый сосредотачивается на проведении в жизнь политического курса партии в отношении религии, а второй – на том, как управлять религиозными делами в Китае в соответствии с этим политическим курсом партии, то есть, как регулировать религиозные проблемы на основе закона. Можно сказать, что каждый из этих органов имеет свою сферу внимания и между ними существует разделение труда. Они дополняют друг друга в деле проведения в жизнь в полном объеме курса в области китайских религиозных верований, в наиболее возможной степени мобилизуют, обеспечивают и стимулируют китайские религиозные круги и широкие массы верующих на внесение активного вклада в дело экономического развития страны. И, в то же время, проводя в жизнь в полном объеме партийный курс по отношению к религии, управляя религиозными делами на основе закона и таким образом работая для китайских масс, они укрепляют социальную базу КПК.

Чжан Лэбинь напомнил, что в 2012 году произошло важное событие в политической жизни Китая – КПК провела XVIII съезд, который разработал масштабный план будущего развития страны. Для осуществления этого плана необходимо достижение консенсуса всей партии и всего народа, чтобы общими усилиями достичь поставленных целей и таким образом мобилизовать и направлять раскрывающуюся активность верующих масс, создавать условия для приложения их мощных сил для служения делу осуществления определенных съездом целей. И здесь свою роль могут сыграть религиозные круги, верующие граждане.

По словам Чжан Лэбиня, православие в Китае – религия, имеющая ярко выраженные национальные и региональные характеристики. Национальные характеристики выражаются в том, что его исповедуют проживающее в Китае русское национальное меньшинство, региональные – в том, что оно распространено лишь в нескольких регионах: в северо-восточной провинции Хэйлунцзян, северном автономном районе Внутренняя Монголия и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе на северо-западе страны. На сегодняшний день количество верующих православных в Китае, по данным ГУДР, составляет около 2 тыс. человек. Кроме того, по мнению Чжан Лэбиня, у православия в Китае есть еще одна особенность. Некитайские верующие, например, граждане России, занимающиеся в Китае торговлей, культурной деятельностью и т.п., «имеют потребность в религиозной жизни». Их число, по китайским оценкам, составляет около 200 человек, и концентрируются они в нескольких крупнейших городах: Пекине, Шанхае, Харбине. Правительство учитывает интересы этих людей. «Учитывая особый характер китайско-российских традиционных дружественных отношений и смотря в будущее, развивая всесторонние отношения стратегического партнерства и взаимодействия, основываясь на широком понимании действующего религиозного законодательства, принципе создания удобства, китайское правительство старается по возможности удовлетворить потребность находящихся в Китае российских последователей православия в православной жизни и предоставляет им в этом помощь».

Описывая религиозные контакты между двумя странами, Чжан Лэбинь подчеркнул, что Китай и Россия имеют давние дружественные связи в области религии. Со времени начала политики реформ в Китае и открытия его внешнему миру китайско-российские религиозные связи неуклонно развивались и укреплялись с учетом особенностей двух государств. В последние несколько лет, по оценке Чжан Лэбиня, на этом направлении было достигнуто особенно много успехов. Между Китаем и Россией существуют связи и в области христианства, и в области буддизма, и в области ислама, причем их непрерывное развитие идет как вширь, так и вглубь.

В 2012 году Китайская мусульманская ассоциация при содействии и под руководством ГУДР направила делегацию в Россию с целью изучения российского опыта и возможностей взаимодействия. Российский муфтий посетил Китай в первой половине 2012 года для изучения механизма мер по углублению связей между мусульманами Китая и России. Представитель РПЦ митрополит Иларион изучал с председателем китайских католиков возможности связей между китайскими и российскими православными и католиками. Китайские и российские буддисты тоже контактировали друг с другом, изучая пути углубления и развития культурного взаимодействия.

Далее Чжан Лэбинь сказал, что государственные органы двух стран должны использовать ситуацию роста дружественных контактов между религиозными кругами и обращать внимание на углубление сотрудничества между ними, создавать еще более благоприятные условия для развития китайско-российских отношений стратегического пар-

тнерства и взаимодействия. Правительства двух стран уже создали китайско-российскую группу по контактам и сотрудничеству в религиозной сфере, в которой китайскую часть возглавил сам Чжан Лэбинь, а российскую – митрополит Волоколамский Иларион.

Во время посещения возглавляемой Чжан Лэбином делегацией в 2011 году России для проведения первых консультаций под эгидой группы китайская сторона поставила два основных вопроса: во-первых, от имени ГУДР официально пригласила Патриарха Московского и всея Руси Кирилла посетить Китай, во-вторых, попросила российскую сторону помочь в подготовке православных священников. Во время ответного визита российской делегации во главе с митрополитом Иларионом в Китай в июне 2012 года в Пекине были проведены вторые консультации. Обсуждался широкий круг вопросов двусторонних религиозных связей, однако основное внимание было сконцентрировано на тех же двух темах, по которым было проведено глубокое обсуждение и достигнуто взаимопонимание. В частности, была достигнута предварительная договоренность о посещении Патриархом Кириллом Китая, намечено, что он посетит Пекин, Шанхай и Харбин.

Чжан Лэбинь подчеркнул, что китайское правительство придает этому визиту больше значение. После достижения ряда договоренностей во время работы группы в обеих странах китайская сторона определила двоих последователей православия для направления в Московскую и Петербургскую семинарии с целью продолжения образования, «чтобы они смогли стать квалифицированными православными священниками, способными удовлетворить потребности китайского православия». Они прибыли в Россию почти полгода назад и обе семинарии предоставили им очень хорошие условия для жизни и учебы, за что он выразил благодарность.

«Мы знаем, что правительства двух стран придают большое значение развитию двусторонних отношений. ГУДР, являясь правительственным органом, безусловно, будет в рамках своих полномочий вести работу в области дружественных китайско-российских религиозных связей по различным направлениям, чтобы ее результаты еще лучше служили общему делу развития двусторонних отношений всестороннего стратегического взаимодействия на благо двух стран и их народов», – отметил в заключение Чжан Лэбинь.

Далее, отвечая на вопросы, Чжан Лэбинь пояснил, что с китайской точки зрения делегации РПЦ могут приезжать в Китай как по приглашению государственных органов, так и религиозных организаций. Он привел в пример посещение митрополитом Иларионом во время визита в Китай Пекинской католической семинарии. Однако православные организации в Китае еще не созданы, так как для этого еще «нет условий». Поэтому по вопросам контактов китайских православных с заграницей им «помогают» уполномоченные правительственные органы. Дело в том, что православие распространено лишь в трех регионах, верующие неравномерно разбросаны по ней и проживают далеко друг от друга.

Кроме того, по словам Чжан Лэбиня, «по историческим причинам в настоящее время в Китае нет хороших православных священнослужителей». «Мы потому и уполномочили российскую сторону помочь нам подготовить православных священнослужителей, что хотим решить жизненные проблемы православных верующих. В Китае существуют определенные правила, в соответствии с которыми можно создать православную религиозную организацию. Согласно этим правилам, необходимо иметь священнослужителей. Когда будут подготовлены священники, можно будет естественным образом подать за-

явку на регистрацию. Вопрос не в запрете, а в том, что у православных нет необходимых условий», – сказал он.

Чжан Лэбинь подчеркнул, что в условиях отсутствия зарегистрированных православных организаций все действия православных верующих должны осуществляться в соответствии с китайским законодательством, так как они – китайские граждане. Китайское правительство, со своей стороны, относится с полным уважением к их вере и по возможности создает для них благоприятные условия, например, организуя подготовку священников в России, однако с решением всех вопросов не нужно спешить. «В Китае две пословицы: “быстро едешь, да не доедешь” и “пришла вода – и канал готов” (смысл: всему свое время)», – отметил Чжан Лэбинь и попросил довести эту идею до руководства РПЦ.

На вопросы, смогут ли подготовленные в России китайцы стать священниками в Китае и какова будет процедура их рукоположения, которую признают власти, собеседник ответил: «Китайское правительство, исходя из пожеланий китайских православных верующих, решило с Россией вопрос о подготовке священнослужителей и, безусловно, надеется, что они ими станут. Но это зависит от того, смогут ли они выучиться, станут ли достаточно компетентными, будут ли ими удовлетворены китайские православные массы. Что касается процедуры возведения их в сан священнослужителя, то здесь имеется опыт российской стороны, который можно заимствовать, есть и реальность, связанная с национальными особенностями Китая. Но, прежде всего, это должен быть выбор китайских православных верующих, основанный на их привычках, и мы обязательно сможем найти способ утверждения их священнического статуса, отвечающий как православным правилам, так и китайским реалиям. Здесь вопроса нет. Поверьте, у китайского народа есть для этого мудрость и силы».

Чжан Лэбинь также заверил, что связей у ГУДРа и китайских православных с другими поместными церквями, в том числе с Константинопольским Патриархатом, пока нет, хотя в принципе по мере развития православия в стране международные дружественные контакты, естественно, будут расти.

В целом официальную позицию китайских властей в отношении православия в Китае можно сформулировать следующим образом:

1. Китайские православные верующие пользуются той же свободой вероисповедания, как и все прочие верующие граждане Китая.

2. Православных верующих в Китае крайне мало, православие можно отнести к малочисленным региональным и национальным религиям. Православными являются в основном представители русского национального меньшинства (этнически русские граждане КНР), которые проживают в некоторых районах Северо-Восточного и Северо-Западного Китая. Их «религиозные потребности» необходимо учитывать, поэтому китайская сторона не против российской помощи в подготовке «квалифицированных» священников. Поскольку согласно Конституции китайские религиозные организации не могут управляться из-за рубежа, эти священники должны быть китайскими гражданами и подчиняться китайским властям.

3. Отдельный вопрос – наличие на территории Китая значительного количества российских граждан, имеющих «религиозные потребности». Эти потребности также по возможности необходимо удовлетворять. Для них в соответствии с законодательством службы периодически могут проводить и российские священники, однако «религиоз-

ное обслуживание» иностранцев не надо смешивать с «религиозным обслуживанием» китайских граждан.

4. Китайская сторона рассматривает возможность ускоренного решения проблем китайских православных, исходя из общей атмосферы дружбы между двумя странами. Это можно интерпретировать следующим образом. Во-первых, православие китайские власти считают российской религией, другие православные церкви им мало знакомы. Поэтому данный вопрос – часть двусторонних отношений. Во-вторых, религиозные контакты должны проходить не между церквями, а между государственными органами (так как у китайских православных нет своих организаций), исключительно с разрешения властей, причем не только по линии православия, но и других религий, которые присутствуют и в Китае, и в России.

Реальное отношение властей к религии в современном Китае

Для реконструкции реального отношения китайских властей к религии в целом и к православию в частности необходимо понимать, что пришедшая к власти в 1949 году Коммунистическая партия Китая (КПК), с одной стороны, придерживалась тогда марксизма в его советской, сталинской интерпретации, а с другой – была наследницей китайской революционной традиции. Как марксисты они развивали в Китае идеологию классовой борьбы, а как китайские революционеры ставили задачу борьбы не только с враждебными классами, но и с тем, что они называли «империалистической агрессией против Китая», то есть с засильем развитых западных государств.

Марксизм в рамках классовой теории рассматривает религию как классовое (то есть сугубо социальное) явление, а именно как часть идеологии эксплуататорских классов, направленной на оправдание их господства и на то, чтобы угнетенные отказались от борьбы. «Религия есть опиум народа, – это изречение Маркса есть краеугольный камень всего мирозерцания марксизма в вопросе о религии. Все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманиванию рабочего класса», – писал лидер российских большевиков В.И. Ленин⁷⁴.

Следствием данной теории является то, что религия рассматривается классическими марксистами как явление временное, существующее только в классовом обществе. При коммунизме, построение которого объявлено ими целью, классы и классовая эксплуатация отойдут в прошлое, полностью победит идеология пролетариата, не будет необходимости в его «одурманивании», а значит, исчезнет и социальная основа религии, и она сама. На этом основано отношение различных групп коммунистов к религии в различные исторические периоды. Те, кто хочет максимально ускорить наступление коммунизма, более активно борются с «религиозными предрассудками». Те же, кто считает, что коммунизм, например, вследствие неразвитости собственного общества, – дело относительно далекого будущего, готовы некоторое время ее терпеть. Однако сама мысль, что в развитом обществе нет места для религии, характерна для всех.

Получившие власть в 1949 году китайские коммунисты в целом разделяли эти воззрения. Однако поначалу ими был взят курс на сотрудничество с религиозными организациями в рамках так называемого «единого фронта». В первое десятилетие коммунистическое руководство в Пекине считало, что Китай еще не созрел для немедленного коммунизма, для перехода к которому, согласно марксистской теории, необходимо достичь довольно высокого уровня социально-экономического развития. По этой причине необходимо развивать страну на основе союза с «патриотической» и мелкой буржуазией, китайской диаспорой за рубежом и, следовательно, в определенной степени допускать их идеологические проявления, в том числе религию. Эта политика, провозглашенная еще до прихода к власти, была названа курсом на «новую демократию». В реальности установившийся тоталитарный режим был крайне далек от демократии, однако деятельность религиозных организаций не была запрещена полностью, но лишь строго ограничена и взята под контроль государства.

⁷⁴ Ленин В.И. Об отношении рабочей партии к религии. Т. 17 // Полн. собр. соч. 5-е изд. – С. 415–426. Впервые опубликовано в газете «Пролетарий». 1909. № 45. 13 (26) мая.

Эти ограничения были связаны также и с тем, что китайские коммунисты, представлявшие радикальную часть общей волны китайского революционного движения, рассматривали иностранные религии как орудие иностранного империализма в его стремлении закабалить Китай. Особенно негативным было отношение к миссионерам и китайцам-христианам, которых считали агентами империализма и врагами китайского народа. Характерны оценки деятельности иностранных миссионеров в учебнике истории того периода, вышедшем в Китае в 1954 году, в котором фактически оправдываются даже зверства ихэтуаней: «Самыми ненавистными для крестьян были миссионеры и китайцы-христиане, пользовавшиеся особыми правами. Ко всяким другим формам империалистического гнета, давившего китайский народ, и прежде всего крестьянство, присоединялся еще гнет империалистической церкви. Китайский народ не мог спокойно сносить этот гнет. В своей агрессии против Китая империалисты использовали как протестантство, так и католичество. Миссионеры расползлись по городам и деревням Китая, угнетая и обирая население... По существу, выступления против миссионеров в разных формах были справедливыми, антиимпериалистическими действиями, которые неоднократно перерастали в антиимпериалистические восстания»⁷⁵.

Не жаловал автор и христиан-китайцев: «Это люди, жившие за счет подачек миссионеров, превратили само название “христианин” в своего рода титул и, опираясь на иностранное влияние, занимались шантажом, захватили в свои руки посредничество в судебных делах... Настоящих верующих христиан в общем числе китайцев-христиан было чрезвычайно мало. По сути дела, церковь являлась агрессивной организацией, в которую входили иностранные миссионеры, а также китайцы, перешедшие на их сторону, и те, кто жил на подачки миссионеров»⁷⁶.

Религиозную политику КПК можно разделить на несколько периодов. Один из исследователей, Х.Х. Лай, удачно выделил три этапа религиозной политики при Мао Цзэдуне: 1) период привлечения (1949–1957); 2) период колебаний (1958–1965); 3) период запрета⁷⁷. В течение первого из них религии были поставлены под жесткий контроль государства, но допускались в определенных рамках, а официальные религиозные лица даже вели некоторую общественную деятельность и были представлены в Народном политическом консультативном совете Китая (НПКСК) и его региональных аналогах – органах, представлявших Единый фронт.

В 1954 году руководство религиозными вопросами было поручено Управлению по делам религии при Госсовете КНР, а на местах – его региональным отделениям. Тогда же были отобраны пять официально признанных религий: буддизм, даосизм, ислам, католицизм и протестантизм. Последователи каждой из них были объединены в «патриотические» ассоциации, которые возглавили лояльные коммунистам религиозные деятели, причем все протестанты еще в 1951 году были объединены в один Комитет китайского христианского патриотического движения «за тройную независимость». Христианские ассоциации обязали прервать организационные связи с зарубежными единоверцами, что вызвало уход в подполье значительного количества католиков и протестантов, которые стали жестко преследоваться. В 1961 году в Отделе Единого

⁷⁵ Фань Вэньлань. Новая история Китая. Т. 1. 1840–1901. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. С. 491.

⁷⁶ Там же. С. 492.

⁷⁷ H.H.Lai, Religious Policies in Post-Totalitarian China: Maintaining Political Monopoly over a Reviving Society. // Journal of Chinese Political Science. Vol. 11. №. 1. Spring 2006. P. 59.

фронта ЦК КПК был создан сектор религии, который начал разрабатывать партийную политику по религиозному вопросу.

В период с 1958 по 1965 годов в китайском руководстве велась общая дискуссия между «правыми» и «левыми». По религиозному вопросу «правые» полагали необходимым сохранить существующую систему с тем, чтобы религии постепенно сами сошли на нет по мере развития социализма, а «левые» считали необходимым полное подавление религиозной деятельности как недостойной нового строя. В результате политический курс колебался между этими двумя линиями.

С началом культурной революции в 1966 году «левая» линия окончательно победила. Созданные ранее органы государственного управления, в том числе и отвечавшие за религиозную политику, прекратили работу, религиозные ассоциации были закрыты, верующие и религиозные деятели отправлялись в лагеря перевоспитания, храмы всех религий разрушались, их предметы культа и имущество уничтожались.

После смерти Мао Цзэдуна и ареста в 1976 году сторонников «левого» курса в Китае начался период оттепели, а с 1978 года – период реформ. Система партийно-государственных органов власти была восстановлена, возродились ОЕФ и Управление по делам религии при Госсовете (с 1998 года – Государственное управление по делам религии), вновь заработали патриотические ассоциации, причем в 1980 году к ним прибавилась еще одна протестантская организация: Китайская протестантская ассоциация (более известна как Совет церквей Китая). Смягчение религиозной политики нашло отражение в нескольких закрытых документах, содержание которых просочилось в печать⁷⁸.

Обобщая новую религиозную политику, один из исследователей писал: «Новая религиозная риторика КПК состоит в следующем. Во-первых, в связи с тем, что религии присуща долговечность, она будет существовать в течение длительного времени, и КПК поэтому должна активно руководить ей с тем, чтобы адаптировать к социалистическому обществу. Во-вторых, в связи с тем, что важнейшей проблемой религии в Китае является ее массовость (более 100 млн верующих), КПК должна решительно проводить в жизнь свой курс в отношении религиозных верований. В-третьих, так как религия – проблема комплексная и уникальная, КПК должна подчеркивать законодательную основу религиозной политики и независимость религии в Китае. Что касается несанкционированных религий, хотя это, строго говоря, не является частью религиозной политики, но, согласно пониманию государственных чиновников, они будут подавляться законными или административными средствами либо как “вредные культы”, либо как “деятельность, угрожающая общественной безопасности”...»⁷⁹.

По мнению Х.Х. Лая, новый мягкий курс заключается в сочетании методов привлечения, создания препятствий, ограничения и подавления. При этом применяется общий принцип: чем прочнее и крупнее организация, чем меньше она склонна подчиняться государственному руководству и власти, чем больше ее доктрины отклоняются от официальной идеологии и политики, тем жестче будет к ней подход государства⁸⁰.

⁷⁸ В настоящее время к ним также относятся Китайская буддийская ассоциация, Всекитайская ассоциация даосизма, Китайская исламская ассоциация, Китайская патриотическая католическая ассоциация, Епископская конференция католических епископов Китая и Китайская конференция религий за мир.

⁷⁹ Chan Kim-Kwong, Religion in China in the Twenty-first Century: Some Scenarios // Religion, State & Society. Vol. 33. № 2. June 2005. P. 89.

⁸⁰ Lai, Religious Policies in Post-Totalitarian China. P. 59–60.

Государство, во-первых, привлекает пять официально признанных религий через религиозные организации и политическое представительство (обычно в органах НПКСК и соответствующих местных органах). Во-вторых, уничтожает секты и группы, которые отказываются сотрудничать с государством или отходят от установленной модели сотрудничества (например, выступающих за независимость тибетских буддистов и синьцзянских мусульман, членов секты «Фалуныгун»). В-третьих, ограничивает и подавляет подпольные католические и протестантские церкви. В-четвертых, создает препятствия деятельности местных и неорганизованных культов, основанных на «суевериях». Непосредственно отвечающим за проведение этой политики ОЕФ и ГУДР содействуют Министерство общественной безопасности, Министерство гражданской администрации, а также «общественные» организации: Всекитайская федерация профсоюзов, Всекитайская федерация женщин, Коммунистический союз молодежи Китая и другие.

Официальные религиозные ассоциации, с одной стороны, являются проводниками государственной политики в отношении религии, но с другой – формулируют допустимые в рамках системы запросы религиозных общин, лоббируют их интересы. От них требуются поддержка КПК, «патриотизм» (понимаемый как отсутствие управления из-за рубежа) и соответствующее воспитание верующих. Через них государство осуществляет контроль над верующими. Но они также обращают внимание государственных органов на необходимость большей терпимости по отношению к религии, восстанавливают разрушенные культовые сооружения и строят новые, готовят служителей культа и распространяют религиозные знания, занимаются благотворительностью, помогают бедным и жертвам стихийных бедствий и даже имеют свои медицинские учреждения, строят дороги, занимаются озеленением и т.п.

Все это, по мнению государства, способствует тому, чтобы религиозная деятельность шла спокойно, не создавала идеологической конкуренции КПК и не приводила к массовым протестам. Впрочем, постоянные аресты действующих в подполье католиков и протестантов, антиправительственные выступления буддистов в Тибете и мусульман в Синьцзяне, разгром многомиллионной секты «Фалуныгун» свидетельствуют о том, что эта политика не полностью достигает поставленных целей.

Реальный новый курс КПК был сформулирован в принятом в марте 1982 года документе «Основы курса по религиозному вопросу в нашей стране в период социализма» (так называемый «Документ № 19»), который во многом сохраняет свою актуальность и сегодня⁸¹. Первоначально изданный для служебного пользования в настоящее время он опубликован официально. В документе сохраняется марксистский подход к религии как временному явлению. Он начинается с фразы: «Религия есть историческое явление определенного этапа развития человечества, она проходит через периоды возникновения, развития и исчезновения»⁸².

В то же время в документе подчеркивалось, что свобода вероисповедания – долгосрочная политика и право придерживаться любой религии имеют все китайские граждане, за исключением членов КПК, которые должны оставаться атеистами. Но даже коммунистам разрешалось участвовать в свадьбах, похоронах и других общественных ритуалах с религиозным содержанием на местном уровне, чтобы не «отрываться от масс».

⁸¹ Peter Morrison, *Religious Policy in China and its Implementation in the Light of Document № 19// Religion in Communist Lands*. Vol. 12. № 3 (1984). P. 244–255.

⁸² 《关于我国社会主义时期宗教问题的基本观点和基本政策. (一九八二年三月三十一日)》(Основы курса по религиозному вопросу в нашей стране в период социализма. 31.03.1982). URL: <http://www.mzb.com.cn/html/folder/290171.htm>

Документ запрещал привлечение к религиозной деятельности детей до 18 лет и такие «феодалные религиозные права», как власть учителя над учеником, руководителей храма над проживающими при нем и т.п. Запрещалось также использовать религию для подрыва территориальной целостности Китая, социалистической системы, гармонии между национальностями. Места осуществления культа разрешалось использовать только в случае, если они зарегистрированы властями, и вводилось жесткое различие между «нормальной» религиозной деятельностью и нелегальной, а также связанной с суевериями.

В документе подтверждался также запрет на религиозное вмешательство в образование, что стало ответом на рост числа религиозных школ, в особенности в некоторых регионах, где большинство местного населения, часто принадлежащего к национальным меньшинствам, придерживалось буддизма или ислама⁸³.

В 1994 году были опубликованы «Положение о регулировании религиозной деятельности иностранных граждан на территории Китайской Народной Республики» (обнародован указом Госсовета № 144)⁸⁴ и «Правила регулирования мест религиозной деятельности» (обнародован указом Госсовета № 145)⁸⁵. В первом документе давалось разрешение иностранным священнослужителям принимать участие в религиозной деятельности на территории Китая и даже «совершать культовые обряды», но исключительно с разрешения властей и по приглашению китайских религиозных организаций. Он также разрешал иностранным гражданам «пользоваться на территории Китая услугами китайских служителей культа для проведения обрядов крещения, бракосочетания, захоронения и других»⁸⁶. Во втором документе устанавливалась еще более строгая система регистрации мест религиозной деятельности как в центре, так и в регионах.

В 2004 году Госсовет принял и издал «Правила по религиозным делам» (указ № 426). Этот документ в основном обобщал предыдущие⁸⁷. Новым моментом стало отсутствие упоминания пяти признанных религий в разделе о регистрации религиозных ассоциаций. Хотя до сих пор ни одна новая религия не была зарегистрирована в качестве общенациональной, документ № 426 не исключает такой возможности. Характерно, что в 2005 году в ГУДР был создан четвертый отдел, перед которым стоит задача регулировать «народные верования» и «новые религии». Именно он занимается, в частности, православием как религией русского национального меньшинства.

Местные правительства принимают свои правила по регулированию религиозных вопросов в соответствии с документами центрального правительства. Так, принятые в 1997 году народным правительством города Гуанчжоу «Правила регулирования религиозных дел» в целом соответствуют документам Госсовета № 144 и 145⁸⁸. Такие правила важны, так как именно в соответствии с ними православные организации могут регистрироваться в качестве местных в некоторых китайских регионах.

⁸³ См: Vinent Goossaert and David A. Palmer, *The Religious Question in Modern China* (Chicago & London: The University of Chicago Press, 2011), Kindle Edition. P. 323.

⁸⁴ История Российской духовной миссии в Китае. С. 383–385.

⁸⁵ 《宗教活动场所管理条例》(Правила регулирования мест религиозной деятельности). 31.01.1994. URL: <http://baike.baidu.com/view/261777.htm#2>

⁸⁶ История Российской духовной миссии в Китае. Сборник статей // Под ред. С.Л. Тихвинского. – М., Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1997. С. 383–384.

⁸⁷ 《宗教事务条例》(Правила по религиозным делам). 07.07.2004. URL: http://www.gov.cn/xxgk/pub/govpublic/mrlm/200803/t20080328_31641.html

⁸⁸ Lai, *Religious Policies in Post-Totalitarian China*. P. 61.

Реальное отношение к православию в современном Китае

В учебнике Фан Вэньляня 1954 года не упомянуто православие, по-видимому, по той причине, что оно играло меньшую роль в Китае. Кроме того, в тот период с СССР поддерживались хорошие отношения, и такая критика выглядела бы некорректно. Однако по мере ухудшения межгосударственных отношений те же обвинения начали выдвигаться и против него. В целом негативное отношение к деятельности иностранных церквей в Китае, хотя, возможно, и в несколько более мягкой форме, сохранилось и в годы реформ. Примером здесь может служить упоминавшаяся брошюра 1979 года «История использования царской Россией православия в агрессии против Китая».

В вышедшей позднее «Истории православия» ее автор Юэ Фэн утверждал, что православная церковь использовала агрессию России в Китае в своих целях: «После “опиумной войны” 1840 года царская Россия, используя политические, военные, дипломатические и другие средства, заставила Китай подписать целую серию неравноправных договоров, захватила значительные территории в Северо-Восточном и Северо-Западном Китае, добилась для россиян таких привилегий, как свободное проживание, свободное строительство храмов, свобода миссионерской деятельности и т.п. Чем больше царская Россия протягивала свои агрессивные щупальца к Китаю, тем больше силы ее православия распространялись в различных районах страны»⁸⁹.

В изданной в 2009 году книге о Российской духовной миссии делается еще более далеко идущий вывод: «После того, как Запад с помощью мощной военной силы открыл двери Китая, упорная и настойчивая дипломатия поколений российских правителей в отношении Китая в конце концов принесла результаты. Россия не только вместе с западными державами получила различные права и интересы в Китае, но и завладела более 1,5 млн кв. км китайской территории! И Российская православная миссия в Пекине сыграла незаменимую роль в этом процессе»⁹⁰.

По мнению автора, из-за непосредственной связи с российским правительством деятельность Российской духовной миссии была даже более «империалистической», чем католиков и протестантов: «В период новой истории не только Россия использовала религию для агрессии против Китая. Например, протестантские миссионеры играли роль авангарда в американской агрессии в Китае, их целью было, используя военную силу своего правительства, заставить цинские власти открыть всю свою территорию, что позволило бы распространить Евангелие на весь Китай. Но отношения западных миссионеров со своими правительствами были основаны на общих интересах и взаимной зависимости, а отношения православия с российским правительством строились по принципу «лакей-хозяин». Российская православная миссия в Пекине по большей части представляла интересы российского правительства, а не волю Русской православной церкви. Эти люди как будто стали троянским конем, поставленным Петром I рядом с Запретным городом, и, воспользовавшись случаем, превратились в мощное орудие агрессии царской России. За их культурной деятельностью часто можно обнаружить направляющую руку российского правительства, целью которого было вовсе не развитие культурных связей, так как оно никогда не видело в этом задачи миссии.... Обслуживая

⁸⁹ 乐峰:《东正教史》, 第303-304页。

⁹⁰ 肖玉春(Сяо Юйчунь):《俄国传教团于清代中俄文化交流》(Русская религиозная миссия и культурные связи между Китаем и Россией в период династии Цин):天津,天津人民出版社,2009。第268页。

свое правительство, Российская православная миссия в Пекине неосознанно играла роль культурного посланника»⁹¹.

Учитывая, что собственно духовную деятельность миссии по распространению православной веры автор относит к «развитию культурных связей», можно сказать, что в Китае до сих пор считают ее вторичной, а главной – роль миссии как своеобразного де-факто посольства, которое вместе с правительством проводило «агрессивный» курс.

Еще автор учебника 1954 года ставил миссионерам в вину три преступления: захват недвижимого имущества, посредничество в тяжбах, нарушение государственного суверенитета, жестокость и убийства (якобы совершавшиеся христианами) и взыскание компенсаций (за преступления против них)⁹². Выполнение заданий правительства по проведению в жизнь «агрессивной» политики можно отнести к третьему пункту этого списка. В целом разделяя такое понимание исторического опыта, нынешнее китайское руководство, естественно, и сегодня будет пытаться не допустить возрождения этих аспектов в деятельности православной церкви на территории Китая.

Как видно из бесед с китайскими экспертами, отношение властей к православию в Китае довольно настороженное. Это видно, например, из следующих фактов. Все научные учреждения и университеты, с которыми велись переговоры, отказались проводить конференции по православию в Китае, сославшись на то, что они не получают на это разрешение. На предложение не упоминать православие в названии конференции обычно отвечали, что тогда православная тема должна занимать лишь ее небольшую часть, причем православные священники должны приглашаться исключительно в качестве научных работников и не носить религиозных одеяний. В противном случае власти заподозрят религиозное мероприятие с участием иностранных священников, и организатор будет иметь «проблемы».

Говоря о «православном вопросе» как части российско-китайских отношений, китайские собеседники отмечали, что власти КНР с крайним раздражением воспринимают давление со стороны российских властей, в том числе и высших политических руководителей, как попытки вмешиваться во внутренние дела страны и использовать православие по примеру императорской России как рычаг государственного влияния. При этом в Китае существует убеждение, что православие является практически государственной российской религией и, находясь в зависимости от государства, исполняет государственный заказ. Понятие о духовных основах православной церкви и ее евангельской миссии у китайских властей довольно смутное. Распространено характерное для атеистов мнение, что вероучительские разговоры используются всеми церквями как прикрытие для продвижения своих мирских интересов, частью – по заданию властей какого-то государства.

В то же время власти КНР рассматривают «православный вопрос» в общем контексте дружественных отношений с Россией и не хотели бы, чтобы такая мелкая, с их точки зрения, проблема вносила разлад в ныне стабильные отношения между двумя государствами. В связи с этим они готовы идти на некоторые уступки.

Китайские авторы считают, что количество православных верующих в КНР невелико. По различным оценкам, оно составляет 10–15 тыс. человек. Так, Юэ Фэн писал о современном состоянии православия в Китае: «После “культурной революции” право-

⁹¹ Там же.

⁹² Фань Вэньлань. Новая история Китая. С.493–497.

славие последовательно возрождало свою деятельность в некоторых районах Китая и получило на нее разрешение от местных правительств. В настоящее время восстановлен православный храм в городе Харбин провинции Хэйлунцзян, православные верующие начали религиозную жизнь, службы в храме посещают несколько сотен человек, среди которых как китайцы, так и русские эмигранты.

Кроме того, в Синьцзяне в городах Урумчи, Инин, Чугунчак также была восстановлена православная деятельность, верующие приступили к нормальной религиозной жизни. Согласно новейшим обследованиям, в настоящее время в Синьцзянском регионе насчитывается приблизительно 10 тыс. православных верующих, в основном русской национальности»⁹³.

Так как разные источники давали весьма различающиеся цифры, Институту мировых религий АОН КНР как ведущему исследовательскому центру в этой области было заказано соответствующее обследование. Оно было проведено в июле 2010 года первоначально в городах Харбин (провинция Хэйлунцзян) и Аргунь (Автономный район Внутренняя Монголия)⁹⁴. Некоторые его результаты были опубликованы в издаваемом Институтом мировых религий журнале «Мировая религиозная культура» в 2012 году, однако, по словам авторов, отчет в правительственные органы был отправлен намного раньше. По оценке автора статьи Тан Сяофэна, в Северо-Восточном Китае (то есть в провинции Хэйлунцзян и во Внутренней Монголии) количество православных не превышает и 1 тыс. человек, православные группы и объединения слабы, не хватает священников⁹⁵.

Автор основывает свои подсчеты на следующих наблюдениях: «В церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Харбине по воскресеньям на богослужения не приходит и пятидесяти верующих, причем около трети из них – туристы из России или работающие в Харбине россияне. Во Внутренней Монголии в лабдаринской⁹⁶ православной церкви в городском округе Хулун-Буир на богослужениях присутствует не более 20 человек, иногда и вовсе несколько человек, среди них большинство – местные пожилые женщины старше 55 лет. В церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Харбине автор встретил молодого человека русской национальности, но и он оказался неверующим, а привез на службу свою мать. На собраниях верующих в православной церкви в Лабдарине мы встретили только одного мужчину, он сопровождал супругу, но сам не был православным. Принимая во внимание, что мест для православных богослужений довольно мало, и многие верующие по причине их удаленности не могут принять участие в службе, автор с коллегами посетили расположенные на границе Китая и России русскую национальную волость Эньхэ, а также волость⁹⁷ Шивэй с довольно большим русским населением. Результаты исследования также не сильно отличаются. Православные верующие – это китайцы русского происхождения во втором или третьем поколении, сохранившие довольно смутные воспоминания о своих русских мамах и бабушках. В Эньхэ автор побывал в семье у известного деда Ивана, который вспомнил только, что его мама раньше рассказывала ему не очень правдоподобные истории о Христе. В Эньхэ,

⁹³ 乐峰: 《东正教史》, 第313页。

⁹⁴ 唐晓峰 (Тан Сяофэн): 从宗教传播诸要素看东正教在中国的传播》(Основные факторы распространения религий и распространение православия в Китае)//《世界宗教文化》, 2012年, 第六期。

⁹⁵ 同上, 第31页。

⁹⁶ Лабдарин – старое название города Аргунь.

⁹⁷ В действительности – поселок (镇).

хотя некоторые старики и сохраняют православные верования старших поколений, но из-за того, что место проведения богослужения находится далеко, они не имеют возможности ездить в уездный город Аргунь для участия в религиозных мероприятиях. Все, что они могут, это собираться в деревне в небольшой избе, однако количество народу крайне ограничено»⁹⁸.

Рассуждения эти, мягко говоря, не вызывают доверия. Несмотря на научный язык, очевидно, что в так называемом «обследовании» отсутствовала какая-либо методология и выводы строились на произвольных наблюдениях. Кроме того, автор постоянно путает даже названия населенных пунктов и их истинный административный статус.

Что касается Синьцзяна, где в 2006 году, по официальным данным, проживало 11 206 представителей «русского национального меньшинства» (большинство – в уезде Чугунчак, городах Урумчи и Или), то и здесь, как считают китайские исследователи, православными верующими можно признать около 1 000 человек, среди них участвующих в богослужениях и церковных праздниках – 800–900 человек, в службах в православных церквях в Урумчи и Или (Кульджа) участвует не более 20 человек. Характерно, что для подсчета количества верующих автор использовал не самоопределение опрашиваемого, а следующие довольно жесткие критерии: 1) посещает ли опрашиваемый религиозные церемонии в храме; 2) имеется ли у него дома хотя бы одна икона, распятие или другой религиозный предмет; 3) молится ли он или совершает ли другие религиозные церемонии⁹⁹.

На основе приведенных оценок, Тан Сяофэн приходит к заключению, что число православных верующих в Китае значительно меньше 13 тыс., а это завышенное число существует по двум причинам. Во-первых, число православных приравнивают к числу китайцев, принадлежащих к «русскому национальному меньшинству», хотя далеко не все из них верующие, многие отошли от традиций. Во-вторых, завышенные цифры приводят сами православные группы, заинтересованные с помощью увеличения числа верующих получить соответствующие масштабу организации привилегии. Отмечается также крайняя нехватка священнослужителей и людей, сведущих в православии.

По данным Тан Сяофэна, в некоторых регионах Китая существуют официально признанные православные группы. Так, в Харбине и Аргуне действуют православные управляющие комиссии, усилия которых в основном направлены на уход за религиозными зданиями, организацию воскресных богослужений, а также на поддержание связей с местными госорганами, занимающимися религиозными вопросами. Они не занимаются распространением религии и не имеют таких полномочий¹⁰⁰.

По мнению Тан Сяофэна, распространению православия препятствует ряд факторов, в частности консерватизм в вопросах религиозного учения, языка и церемониала. Церковнославянский язык непонятен для китайцев, а на проведение пышных богослужений у китайских православных не хватает денег. Кроме того, «если сравнить православие с католичеством или протестантизмом, то можно отметить, что православие не придает большого значения социальным вопросам; православия недостает открытости, космо-

⁹⁸ 唐晓峰: 《从宗教传播诸要素看东正教在中国的传播》, 第31页。

⁹⁹ 郭文静 (Го Вэньцзин): «东正教在新疆的历史与现状分析». (Анализ истории и современного положения православия в Синьцзяне), 新疆师范大学宗教学首饰论文, 2008年. 第16 – 17页。

¹⁰⁰ 唐晓峰: 《从宗教传播诸要素看东正教在中国的传播》, 第31 – 32页。

политизма, некоторой свободы и прогресса. Это в определенной степени ограничивает его влияние»¹⁰¹.

Тем не менее автор считает, что у православия в Китае есть перспективы. Его распространению будут способствовать три фактора:

- 1) возрождение национального самосознания «русского национального меньшинства» в Китае;
- 2) последовательные дипломатические усилия России;
- 3) расширение международных контактов китайских православных¹⁰².

Из интересной статьи директора Института религий Шанхайской академии общественных наук Янь Кэцзя, которая, по словам автора, была написана на основе доклада, направленного городским властям непосредственно перед прошедшей в Шанхае в 2010 году Всемирной выставкой, видны как позиция властей, так и дискуссии, ведущиеся вокруг православия в этом городе.

Кратко остановившись на истории православия в Китае в целом и в Шанхае в частности, Янь Кэцзя обращает внимание на рост числа православных верующих в городе. По его наблюдениям, на службах, совершаемых в помещении Генерального консульства России в Шанхае, обычно присутствует около 20 человек, а по крупным праздникам, например в Пасху – более 200, причем это не только граждане России, но и других государств, где имеются православные верующие: Украины, Грузии, США, Сербии, Германии, Великобритании.

В то же время в Шанхае есть и верующие китайцы. Их немного, но они достаточно активны. В Шанхае, как и во всем Китае, по мнению автора, их можно разделить на три категории. Кроме иностранцев, в число которых входят дипломаты нескольких государств, студенты, сотрудники различных компаний и т.п., к ним относятся и китайские граждане: 1) старые последователи православия, пронесшие веру через все исторические сложности и до сих пор ее твердо придерживающиеся; 2) молодые и вновь обращенные из числа побывавших в православных странах студентов, лиц, вступивших в брак с православным иностранцем, а также тех, кто после либерализации системы выезда за рубеж принял православие в Гонконге, США и Восточной Европе. По данным Янь Кэцзя, в Шанхае в настоящий момент проживает 48 «старых верующих», к которым он относит священника Михаила Ван Цюаньшэна, а также иподиакона Папия Фу Силяна. Количество «новых верующих» он оценивает как «более 20». Представители этих групп относятся к разным православным церквям и не особенно тесно контактируют друг с другом. «Старые верующие» в основном принадлежат к РПЦ, они, «не жалея сил, много лет занимались и занимаются восстановлением православия в Шанхае», а новые – к Элладской православной церкви, некоторые – к Православной церкви в Америке, а некоторые крестились в Гонконге (то есть либо в приходе РПЦ, либо – Константинопольского Патриархата – А.Л.)¹⁰³.

Автор положительно оценивает разрешение разовых служб в Николаевской церкви, что необходимо для создания имиджа Шанхая как истинно интернационального мегаполиса, в котором с вниманием относятся к интересам иностранных жителей. По

¹⁰¹ 同上, 第32页。

¹⁰² 同上, 第35页。

¹⁰³ 晏可佳 (Янь Кэцзя): 在沪俄罗斯东正教活动的现状, 以及后世博时期相关管理体制的研究 (Исследование современной ситуации с деятельностью русского православия в Шанхае и система управления ею после Всемирной выставки) // 《上海蓝皮书: 上海社会发展报告 (2011) 》, 第219页。

его мнению, «православный вопрос» в городе необходимо рассматривать в одном ряду с проблемами других новых религий, которые он фактически предлагает признать на городском уровне:

«На настоящий момент среди иностранных граждан в Шанхае, кроме последователей пяти крупнейших религий, есть также мормоны, иудаисты, бахаисты, православные, индуисты и др. Каким образом, сохраняя и совершенствуя политический курс нашей страны в религиозной сфере, действующее законодательство и модель управления, удовлетворить практические потребности религиозной деятельности этого небольшого количества разнообразных иностранцев и одновременно, в соответствии с международными правилами, добиться полного воплощения стандартов и облика международного мегаполиса – вот в действительности вопрос, пути решения которого должны быть со всей серьезностью обдуманы правительственными органами»¹⁰⁴.

При этом Янь Кэцзя идет еще дальше: он фактически в очень мягкой форме призывает разрешить и китайским гражданам участвовать в богослужениях. В частности, он указывает на ненормальную ситуацию, когда из двух членов одной семьи иностранного гражданина допускают на службу в Генеральном консульстве, а китайского – нет. Он заключает статью следующим выводом-предложением: «В действительности, удовлетворяя потребности иностранных граждан в Шанхае в религиозной деятельности, в настоящее время мы не можем не столкнуться с вопросом о том, как наладить также и религиозную жизнь граждан Китая»¹⁰⁵.

Из статьи Янь Кэцзя ясно видно, что в Шанхае ведутся дискуссии относительно возможности официального признания православия, в которых сам автор явно занимает либеральную позицию. Об этом, в частности, свидетельствует то, что автор объясняет неназванным оппонентам: причины поддержки российских властей распространения православия в мире – стремление к социальной стабильности и защите культурных ценностей (а, скажем, не укрепление собственного влияния в других странах): «В отличие от других христианских конфессий, таких как католицизм и протестантизм, православие на протяжении своей истории обращало большое внимание на сотрудничество со светскими властями. Российские политики глубоко осознают большую роль православия в социальной интеграции, поддержании морали, психологической адаптации и т.п., но также его особую роль в поддержании социальной стабильности, возрождении духа российской нации, защите российских национальных культурных традиций, увеличении мягкой силы российской культуры. Поэтому они, не жалея сил, поощряют развитие православия, повышение его места и влияния в мире»¹⁰⁶.

В то же время ясно, что у подобных предложений имеются и оппоненты. Судя по всему, шанхайские власти пошли на разрешение разовых служб в Николаевской церкви лишь под давлением России и для улучшения имиджа города во время Всемирной выставки. В ходе интервью большинство собеседников в Шанхае отмечали, что ключ к решению проблемы находится в Пекине, местные же власти проявляют осторожность и без санкции центра не решают даже самых мелких вопросов.

Таким образом, реальное отношение китайских властей к православию в Китае можно сконцентрировано изложить в следующих пунктах.

¹⁰⁴ 同上。

¹⁰⁵ 同上。

¹⁰⁶ 同上。

1. Исторически православие было орудием русского империализма. В сегодняшней России православная церковь также реально подчинена государству и выполняет его задачи, в том числе и во внешней политике. Поэтому в случае допущения открытого распространения православия в Китае, учитывая давление российского государства, включая его руководителей, есть подозрение, что оно вновь превратится в рычаг российского влияния. Этого допускать крайне нежелательно.

2. В то же время, в связи с тем, что Россия – дружественная страна, ее давление в религиозном вопросе необходимо рассматривать в общем контексте двусторонних отношений так, чтобы этот вопрос их не омрачал. Поэтому необходимо проявлять готовность к конструктивному сотрудничеству, по большей части на словах, но иногда и принимать некоторые конкретные меры. Для этой цели китайская сторона согласилась на создание российско-китайской группы по контактам и сотрудничеству в религиозной сфере, но только как межгосударственного органа, хотя Пекину совершенно понятно, что с российской стороны основную роль в ней играет РПЦ и Россия будет использовать ее для продавливания решения «православного вопроса».

3. В Китае есть некоторое количество православных граждан, в основном русской национальности. Этнические китайцы не склонны к переходу в православие, идут туда единицы за какими-то привилегиями (поиск стабильной работы, возможность выехать на учебу за границу и т.п.). В связи с тем, что некоторые малочисленные группы православных граждан в отдельных регионах просят открыть церкви, прислать священников, отправить их на учебу в Россию, удовлетворять их запросы можно, но делать это надо постепенно, уступая лишь самым навязчивым требованиям, тем самым по возможности ограничивая распространение православия в Китае.

4. Православные рассматриваются в Китае в ряду представителей таких «новых» для Китая религий, как иудаисты, мормоны и бахаи. Число их последователей невелико, но давление в сторону их признания оказывают различные страны и группы, отношения с которыми представляют определенную ценность. В случае с иудаизмом это Израиль (в меньшей степени) и международные еврейские организации, в случае с мормонами – США, которые даже назначили в Китай посла-мормона, бахайская церковь активно финансирует различные международные проекты. Представляется, что по вопросу их признания в китайском руководстве ведется дискуссия. В случае их признания улучшится имидж Китая как толерантного государства, выиграют отношения со странами и группами-«спонсорами», собрания последователей станут легальными. В то же время придется допустить на религиозную сцену новых идеологических конкурентов, которые могут негативно повлиять на настроения населения. К тому же такой шаг покажет окончательную нежизненность идеи отмирания религии при социализме. В результате окончательный подход до сих пор не выработан. В пользу православия говорит тот факт, что у него все же имеется довольно большое, по сравнению с другими «малыми» религиями, количество последователей из числа граждан КНР, то есть речь здесь идет не только о внешнем давлении, но и о необходимости «удовлетворения» их «законных потребностей».

5. В Китае, благодаря расширению российско-китайских контактов, появилось несколько сотен длительное время проживающих здесь россиян (в реальности – десятки тысяч постоянно живущих и миллионы приезжающих), которые имеют «религиозные нужды». Эти нужды, исходя из дружеского характера двусторонних отношений, необходимо удовлетворять. Для этого можно разрешить проведение служб на территории дипломатических представительств или одноразовые службы в храмах в городах их

проживания. Аналогичные разрешения даются не только православным, но и иудеям, мормонам и т.д. Однако, как и в случае с другими религиями, на таких службах не должны присутствовать китайские граждане. Во-первых, так предписывает китайское законодательство (документ № 144), разрешающее участие иностранцев в службах, проводимых китайцами, но никак не наоборот. Во-вторых, излишние неподконтрольные контакты китайских верующих с российскими православными деятелями вообще нежелательны, так как могут спровоцировать ненужные требования со стороны китайцев к своему правительству.

Заключение. Перспективы возрождения Китайской автономной православной церкви

Православие прошло большой исторический путь в Китае. Хотя за годы коммунистических репрессий оно понесло большие потери, все же в стране существует значительное количество верующих, которые требуют от властей восстановить нормальную религиозную жизнь их общин. Число в несколько тысяч – весьма условное, поскольку некоторые китайские граждане могут не участвовать в религиозной жизни из опасений политических и иных социальных последствий, другие – из-за отдаленности места проживания от ближайшей церкви, третьи – в связи с невозможностью получить достаточно информации. Основными проблемами православия в Китае являются:

1. Неясный статус Китайской автономной православной церкви и с точки зрения канонического права и с точки зрения китайского законодательства.
2. Практически полное отсутствие священнослужителей.
3. Настороженное отношение китайских властей, считающих стремление восстановить КАПЦ попыткой российских властей получить новый рычаг влияния на китайское общество.

Представляется, что данные проблемы лучше всего решать следующим образом:

1. Китайские власти должны быть убеждены, что материнская церковь (РПЦ) готова к сотрудничеству с ними и будет действовать в полном соответствии с китайским законодательством. Китайским властям было бы удобно представить дело так, что они не уступают иностранному давлению, но «удовлетворяют законные потребности» китайских верующих. В связи с этим восстановление КАПЦ должно идти снизу, быть инициативой китайских верующих, а не российских властей или руководства РПЦ. Последние могли бы содействовать таким инициативам и на переговорах с китайскими властями, ссылаясь на них с целью скорейшего удовлетворения заявок китайских верующих.

2. До восстановления КАПЦ, собственно, и после этого всякую деятельность в Китае следует осуществлять крайне осторожно. Можно согласиться с мнением О.И. Курто, что в силу специфики нынешней религиозной ситуации в Китае миссионерскую деятельность здесь «следует осуществлять в рамках курса, принятого РПЦ исходя из реального положения церкви и особенностей законодательства. Надлежит помнить, что несогласованная миссионерская работа может повлечь необратимые последствия, в частности, всплеск недоверия и нетерпения к православной церкви со стороны китайских властей»¹⁰⁷.

3. Целью инициатив китайских верующих должна стать официальная регистрация их общин сначала на муниципальном, а затем на провинциальном уровне. Только когда православные организации будут официально зарегистрированы в нескольких провинциях или автономных районах, можно будет ставить вопрос о регистрации православия на центральном уровне в качестве шестой общенациональной религии.

4. Ключевым моментом для регистрации общин и их нормальной жизни является наличие священников. Китайские власти пошли на подготовку нескольких священников в России. Неясным остается вопрос о рукоположении. Теоретически рукоположение

¹⁰⁷ Курто О.И. Современные проблемы православной церкви в Китае. http://www.synologia.ru/a/Современные_проблемы_православной_церкви_в_Китае

иностранными епископами можно интерпретировать как нарушение китайского законодательства, запрещающего зарубежный контроль над китайскими религиозными организациями. Но, вероятно, власти могут пойти на это в виде исключения, в случае, если кандидатуры будут с ними согласованы и одновременно «избраны» самими китайскими православными общинами, то есть, по сути, назначены властями.

5. Общенациональная китайская православная церковь должна быть зарегистрирована по китайскому законодательству, по примеру других «патриотических ассоциаций», и по-китайски называться, например, «Независимая китайская православная ассоциация», при том понимании, что на русский язык это название будет переводиться как «Китайская автономная православная церковь». При этом следует подчеркивать ее полную независимость в вопросах самоуправления. По сути, перед КАПЦ встанет тот же вопрос, что и перед Российской духовной миссией в XVIII веке, – вписаться в китайское авторитарное законодательство, не признающее свободу религиозной деятельности, и пойти ради этого на то, чтобы КАПЦ существовала в реальности и с православной точки зрения в одном виде, а с китайской – в другом. Такая ситуация в Китае не нова, она характерна, например, для католицизма. Однако в связи с догматической необходимостью согласия папы на рукоположение епископов между Ватиканом и китайскими властями возникают постоянные конфликты, что привело к существованию подпольной католической церкви с тайными, назначаемыми папой, но не признаваемыми китайскими властями иерархами. Автономный статус Китайской православной церкви после решения вопроса с рукоположением хотя бы одного епископа даст возможность подобных конфликтов избежать, так как впоследствии он сможет рукополагать ее священников.

6. Необходимо будет согласовать с китайскими властями вопросы канонической зависимости КАПЦ от кириархальной церкви, такие, например, как утверждение ее предстоятеля и устава, подсудность высшей судебной инстанции Церкви-матери. Строго говоря, эти положения противоречат китайскому законодательству. Здесь, вероятно, можно будет объяснять, что эти положения носят вынужденный и временный характер в связи с молодостью КАПЦ и нехваткой в ней священников, а по мере ее роста имеется в виду предоставить ей полную автокефалию.

7. Достижение взаимопонимания по этим вопросам с китайскими властями позволит обеспечить их поддержку в решении проблем с Константинопольским Патриархатом.

8. После того, как КАПЦ будет иметь достаточное количество священников и официально регистрируется, можно было бы провести ее Поместный собор, на котором избрать ее предстоятеля. После этого КАПЦ перешла бы к реальному самоуправлению в соответствии с каноническим правом.

9. В случае восстановления деятельности КАПЦ на этих основах вопрос с окормлением российских граждан отпадет сам собой. Они смогут посещать богослужения и в китайских церквях, которые иногда проводились бы на церковнославянском языке, и церкви, расположенные на территории дипломатических представительств.

10. Так как давление российских политических деятелей раздражает китайские власти, было бы полезно перевести диалог по религиозным проблемам с межгосударственного уровня на межцерковный. Для приезда в Китай иерархи РПЦ могли бы чаще использовать приглашения религиозных и общественных организаций.

11. Было бы полезно предпринять усилия по разубеждению китайских властей в том, что РПЦ является орудием достижения российских государственных интересов. Для этого необходимо подчеркивать наднациональный характер православия вообще и РПЦ в частности. В деятельности в Китае большую роль могли бы играть представители РПЦ из других стран, в том числе азиатских (Центральная Азия, Япония, Таиланд и т.д.).

Лукин Александр Владимирович родился 13 октября 1961 г. в Москве. В 1984 г. окончил факультет международных отношений Московского государственного института международных отношений МИД СССР. Проходил стажировку на философском факультете Пекинского университета (КНР). Работал в МИД СССР, Посольстве СССР в КНР, Институте востоковедения АН СССР. В 1990 г. был избран депутатом Моссовета, возглавлял подкомиссию по межрегиональным связям. В 1997 г. получил степень доктора философии по специальности «Политика» в Оксфордском университете (Великобритания), в 2007 г. – доктора

исторических наук в Дипломатической академии МИД России, в 2013 г. – диплом о профессиональной переподготовке по программе «Теология» в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете.

Работал в Гарвардском университете и Институте им. Брукинса (США), в 1999–2007 гг. – доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО – Университета, в 2000–2006 гг. – ассоциированный исследователь Института европейских, российских и евразийских исследований Университета им. Дж. Вашингтона (США). С момента основания в 2004 г. возглавляет Центр исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО – Университета МИД России. С 2011 г. – проректор Дипломатической академии МИД России по научной работе и международным связям.

Член редколлегии журналов «Asian Politics and Policy» (США), «Международные проблемы» (Сербия) и «ASAN Forum» (Республика Корея), в 2005–2008 гг. – главный редактор журнала «Россия – Китай. XXI век», почетный исследователь Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян (КНР), в 2000–2012 гг. – советник губернатора Московской области по внешнеэкономическим связям.

Автор книг: «Три путешествия по Китаю» (в соавт. с А.Д. Дикаревым, 1989 г.), «Невежество против несправедливости: политическая культура российских “демократов”» (2000 г. – на англ. яз., 2005 г. – на рус. яз.), «Медведь наблюдает за драконом: Образ России в Китае в XVII–XXI вв.» (2003 г. – на англ. яз., 2007 г. – на рус. яз.), и многочисленных статей о политической ситуации в России, странах Восточной Азии и российской внешней политике, опубликованных в научных журналах и периодической печати на русском, английском и китайском языках. В 2013 г. под редакцией А.В. Лукина вышла коллективная монография «Россия – Китай. Четыре века взаимодействия» (М.: Весь мир, 2013) – фундаментальный труд российских исследователей, посвященный истории, современному состоянию и перспективам развития российско-китайских отношений.

В 2009 г. Председателем КНР Ху Цзиньтао А.В. Лукину присвоена медаль за «выдающийся вклад в развитие китайско-российских отношений»; в 2012 г. – за вклад в становление и развитие ШОС А.В. Лукин награжден медалью «10 лет Шанхайской организации сотрудничества»; является членом Российского национального комитета Азиатско-Тихоокеанского совета сотрудничества по безопасности (АТССБ) и Российского национального комитета по исследованию БРИКС.

Центр исследований Восточной Азии и Шанхайской организации сотрудничества ИМИ МГИМО – Университета МИД России образован в январе 2004 года, до марта 2005 года назывался Центром восточноазиатских исследований. Основная деятельность Центра – изучение политических, экономических интеграционных и других процессов в Восточной Азии (включая территорию российского Дальнего Востока), а также в зоне деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Институт международных исследований (ИМИ) МГИМО – Университета МИД России создан в мае 2009 г. в целях развития и углубления аналитической работы Университета в области международных отношений, придания ей системного и прогностического характера, освоения новых исследовательских секторов (региональных и проблемных), проведения экспертизы и обоснования внешнеполитических инициатив и мероприятий. В сферу научных интересов ИМИ входит изучение концептуальных аспектов внешней политики России, выявление и исследование тенденций эволюции и развития международных процессов, анализ крупных и актуальных международных проблем.

ИМИ является правопреемником и продолжателем исследовательских и аналитических структур МГИМО – Университета Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа международных отношений (1976–1990 гг.), Центра международных исследований (1990–2004 гг.) и Научно-координационного совета по международным исследованиям (2004–2009 гг.).

В настоящее время в состав ИМИ входит одиннадцать научных центров:

- Центр глобальных проблем,
- Центр постсоветских исследований,
- Центр БРИКС,
- Центр евроатлантической безопасности,
- Центр проблем Кавказа и региональной безопасности,
- Центр исследований Восточной Азии и ШОС,
- Центр ближневосточных исследований,
- Центр региональных политических исследований,
- Центр партнерства цивилизаций,
- Центр североевропейских и балтийских исследований,
- Аналитический центр.

Директор ИМИ – А.А. Орлов, профессор МГИМО (У), Чрезвычайный и Полномочный Посланник.

«Аналитические доклады» Института международных исследований МГИМО – Университета МИД России (до мая 2009 г.). – «Аналитические доклады» НКСМИ издаются с ноября 2004 г. Выходят с периодичностью не реже одного раза в месяц тиражом от 300 до 900 экземпляров. Рассылаются в Администрацию Президента Российской Федерации, органы исполнительной и законодательной власти, российские представительства за рубежом, профильные научно-исследовательские центры системы РАН, ведущие политологические центры, а также крупные библиотеки. Материалы для данного издания готовятся входящими в состав ИМИ МГИМО – Университета научными центрами, а также известными российскими дипломатами, учеными, общественными деятелями.

Связь с редакцией по адресу: ktsmi@mgimo.ru